

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ИСПАНСКИЙ
САДОВНИК
ДРЕВО ИУДЫ

ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

Испанский садовник. Дерево Иуды

«Азбука-Аттикус»

1950, 1961

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Испанский садовник. Дерево Иуды / А. Д. Кронин — «Азбука-Аттикус», 1950, 1961 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21903-8

У консула Харрингтона Брэнда не сложились ни личная жизнь, ни карьера. Получив незначительный пост в маленьком испанском городке, он переезжает туда вместе с сыном Николасом. Эгоистичный и властный отец не разрешает мальчику видеться с матерью, под предлогом слабого здоровья не пускает его в школу и не позволяет общаться со сверстниками. И потому Николас быстро заводит дружбу с молодым дружелюбным садовником Хосе. Чувствуя, что сын выходит из-под его жесткого контроля, обозленный Харрингтон Брэнд идет на сомнительные меры, чтобы разорвать дружбу Николаса и Хосе... Дэвид Мори, шотландский врач, живет в Швейцарии и пользуется уважением в обществе. Его считают баловнем судьбы. Однако уже много лет Мори страдает бессонницей, его преследуют воспоминания о женщине, которую он когда-то любил, но бросил. Не в силах исправить ошибки молодости, он снова и снова разрушает себя, ломает судьбы дорогих ему женщин и приближает неминуемую трагедию... Романы «Испанский садовник» (впервые на русском!) и «Дерево Иуды» написаны в прекрасной повествовательной манере классических произведений Кронина.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21903-8

© Кронин А. Д., 1950, 1961
© Азбука-Аттикус, 1950, 1961

Содержание

Испанский садовник[1]	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	54
Глава 13	58
Глава 14	62
Глава 15	66
Глава 16	71
Глава 17	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Арчибальд Кронин

Испанский садовник

Дерево Иуды

A. J. Cronin

THE SPANISH GARDENER

Copyright © 1950 by A. J. Cronin

THE JUDAS TREE

Copyright © 1961 by A. J. Cronin

All rights reserved

Перевод с английского Люси Бергер-Винокур, Екатерины Коротнян

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Л. Бергер-Винокур, перевод, 2022

© Е. А. Коротнян (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Испанский садовник¹

Глава 1

Ночной путь от Парижа до испанской границы оказался на редкость долгим и утомительным. Потом из-за досадной задержки в Портбоу, где их продержали лишние сорок минут, и из-за нерасторопности носильщика они не успели на утреннюю пересадку в Барселоне. Было уже почти пять часов пополудни, когда, усталые и запыленные, они тряслись по узкоколейке Коста-Бравы, приближаясь к своей станции. Несовершенство людей, равно как и механизмов, всегда выводило консула из себя, и его настроение было не самым благодушным. Выпрямившись в своем углу, он с беспокойством поглядывал на тепло укутанного сына. Мальчик на противоположной скамье длинного замусоренного вагона, пахнувшего пылью, чесноком и прочими застарелыми деревенскими ароматами, украдкой бросал на отца ответные любящие взгляды.

– Ну как ты, Николас? – в третий раз за час спросил консул.

– Хорошо, папа.

Грохочущий локомотив, из последних сил одолев крутой поворот, с пронзительным свистом втащил поезд на пустынный перрон Сан-Хорхе. Оставив дорожный плед и оба чемодана в вагоне, консул за руку вывел Николаса на безлюдную, покрытую толстым слоем красной пыли платформу, вдоль узкой полосы которой тянулись пальмы, понуро клонившиеся под порывами ветра. Подумав, что их никто не встречает, консул нахмурился, но тут же увидел у входа молодого человека в аккуратном льняном костюме, несколько севшем от стирки, с галстуком-бабочкой и в желтой соломенной шляпе. Рядом был припаркован серый автомобиль с американским флажком на капоте. При виде двух пассажиров молодой человек в сопровождении шофера суетливо заторопился им навстречу:

– Мистер Харрингтон Брэнд? Рад вас видеть, сэр! Мы вас ждали с утренним поездом. Я Элвин Деккер из офиса. – Он повернулся к шоферу, смуглому коренастому испанцу в черной куртке из альпаки, джинсах и рыжих остроносых туфлях. – Пожалуйста, Гарсиа, возьмите багаж.

Разглядев машину, Брэнд почувствовал, что раздражение начинает его покидать: солидный «пирс-эрроу» с откинутым верхом сверкал надраенной латунью, вычищенными шинами и белоснежными чехлами на сиденьях. Пока выносили их багаж, Брэнд стоял в стороне – грузный, высокий и оттого сутуловатый, с едва заметным, приберегаемым для подчиненных выражением надменности на удлинённом желтоватом лице, от крыльев носа к уголкам губ прорезанном глубокими складками.

– Надеюсь, сэр, дом вам понравится, – говорил тем временем Элвин. – Мистер Тенни увез своих слуг, но я приложил все усилия и нанял хорошую пару. Гарсиа – шофер и дворецкий, – он понизил голос, – с наилучшими рекомендациями... А Магдалина, его жена, – превосходная повариха.

Харрингтон Брэнд кивнул:

– Мы можем ехать?

– Да, сэр! – едва не задохнувшись от волнения, воскликнул Элвин.

¹ Перевод Л. Бергер-Винокур

Они сели, и машина тронулась. Привычно сжимая под пледом тоненькие влажные пальцы сына, новый консул безотрывно рассматривал окрестности. Место не казалось столь отвратительным, как он того опасался. Воздух был прозрачен; изогнутую береговую линию, вдоль которой они ехали под угасающим февральским солнцем, окаймляла полоса чистого песка; между фонарными столбами набережной, хотя и несколько неровно, росли цветущие акации. На площади среди алых цветов огненного дерева искрились струи фонтана; за черными фигурами стариков, читающих «Ла Гасету», посверкивала облезавшей позолотой эстрада; старенький автобус высаживал пассажиров – все это создавало приятное ощущение жизни. Через дорогу от церкви с неизменной розовой штукатуркой и парой куполов, напоминающих вздернутые вверх груди, с центральной колокольной, облицованной цветной плиткой и увенчанной потускневшим крестом, промелькнули один-два недорогих магазина и вполне приличное на вид кафе «Эль Чантако» с полосато-синим тентом; дальше по улице рядом с гаванью виднелось солидное коммерческое здание, в котором, как тут же сообщил Деккер, располагался офис консульства.

Но это что такое?.. Совсем рядом – консул не мог этого не заметить – в порту, с которым по большей части будет связана его работа, царило унылое запустение, он будто вымер. Вряд ли здесь происходило что-либо более серьезное, чем вялая торговля кожей, удобрениями, пробкой, оливковым маслом и эстрагонным уксусом. Всего две рыбачьи шаланды на пристани да ржавый каботажный пароходишко, с которого несколько моряков с помощью трех ослов и простейшего шкива лениво сгружали бочки. Брэнда снова захлестнула волна горькой обиды, на лице отразились тяжелые раздумья. Почему, ну почему в сорок пять лет, после пятнадцати лет усердной и безупречной службы в Европе его отправили в такую глухую дыру, с его-то выдающимися способностями? Да он хотя бы только стажем давно заслужил право занять высокий пост в Париже, Риме или Лондоне! Последние полтора года в Арвиле, среди нормандских болот, он надеялся, что следующее назначение принесет ему заслуженную награду. И на тебе – Сан-Хорхе... А самое обидное, что его предшественнику Тенни, который моложе его на целых три года, досталось место консула первого класса в Мадриде под началом самого Лейтона Бейли...

– Папа, смотри! Правда красиво?

Оставив город позади, они поднимались по крутой петляющей песчаной дороге между рядами серебристых эвкалиптов, и взволнованный Николас застенчиво указывал на открывшийся с вершины вид. Под ними простиралось Средиземное море с тонкой башней далекого маяка над скалистым мысом бухты в белой пене прибоя. Севернее сквозь голубую дымку тускнели очертания громадных гор. В воздухе плавал аромат трав с добавкой соли. А прямо перед ними на краю ущелья, густо окутанная жемчужными лепестками ладанника и почти скрытая за высокой изгородью из мимозы, раскинулась вилла под красной черепицей. Над входом с колоннами выгоревшими буквами было выведено «КАСА БРЕЗА».

– Нравится? – Элвин Деккер повернулся к мальчику, и по напряженному ожиданию в его тоне Николас понял, что это и есть их новый дом.

За свои короткие девять лет Николас пережил много перемен и слегка утратил способность удивляться. Но этот необычный старый дом, который казался таким заброшенным и таинственным, притягивал его к себе. Консулу, похоже, он тоже понравился. Когда они, прохрустев колесами по гравию подъездной дорожки, вышли из машины, его острый оценивающий взгляд смягчился.

Здание в мавританском стиле с просторным арочным портиком и горизонтальной, слегка нависающей крышей выглядело благородно-изысканно: время превратило в янтарь простую желтизну стен из местного песчаника, оно же слегка затушевало и яркую киноварь крыши.

Широкий балкон, куда выходили окна верхнего этажа, обильно зарос глицинией и виноградной лозой, сиренью и яркими побегами бискутеллы. Слева – зеленый от мха мощный двор, ведущий к конюшне и другим хозяйственным постройкам. За домом – сад.

– Дом, конечно, старый, – заметил Элвин, увидев лицо своего шефа. – Кое-что требует ремонта. Электричества нет, только газ. Но мистер Тенни был им очень доволен. Видите ли, рядом с офисом нет подходящего жилья, а здесь у нас долгосрочная аренда... С мебелью...

– Ясно, – оборвал его консул.

Устремившись всем корпусом вперед, он зашагал по пологим ступеням крыльца к распахнутым дверям, где их уже ожидала улыбающаяся полная женщина средних лет в строгом черном платье, которую Деккер представил как Магдалину.

Внутри был прохладный холл с высоким потолком и мозаичным полом, по разным сторонам которого располагались выполненные в стиле рококо столовая и гостиная с массивной двустворчатой дверью. В глубине холла темнела спиральная лестница из орехового дерева, и консул, памятуя о своих обязанностях и правах, невзирая на усталость, грузно поднялся на второй этаж для осмотра комнат. Их было намного больше, чем требовалось ему с сыном и будущим потенциальным гостям, но это не могло смутить человека с изысканным вкусом. Консулу понравился простор помещений, инкрустированные тумбочки и комоды, позолоченные стулья с гобеленовой обивкой, сонетки с кистями и выцветшие бархатные шторы; даже легкая затхлость длинного коридора и та ласкала его обоняние. Когда доставят его увесистый багаж, здесь будет достаточно места для книг и фарфора и для замечательной коллекции старинного оружия, собранной им за много лет в разных местах.

Когда Брэнд спустился в холл, было заметно, что он доволен. Элвин вздохнул с облегчением, его карие глаза радостно заблестели.

– Надеюсь, все в порядке, сэр? У меня оставалось не слишком много времени после отъезда мистера Тенни, но я сделал все, что мог.

– Разумеется, – обходительно ответил консул, придав голосу максимальную загадочность.

Он не настолько глуп, чтобы начинать свое руководство с расточения похвал помощнику. Это лучший способ разрушить дисциплину и спровоцировать фамильярность. Кроме того, он уже решил, что общество этого нервного юнца в облегчающем костюме, лопнувшим под мышкой, совершенно невыносимо и лучше держать его на расстоянии. А так как Элвин все не уходил, вертя в руках соломенную шляпу, словно ожидал, что его пригласят остаться, может быть, даже предложат выпить хереса, Брэнд вежливо, но решительно проводил его к двери:

– Увидимся завтра в офисе, мистер Деккер.

– Хорошо, сэр.

– Вы всегда приходите ровно в девять?

– Да, конечно!

У Элвина покраснела шея над воротничком. Перед тем как попрощаться, он остановился на ступеньках крыльца и, набравшись смелости, запинаясь, произнес:

– Могу я надеяться, что вы окажете нам с миссис Деккер честь своим посещением? Мы живем на Калье Эстрада, дом небольшой, но мы постарались превратить его в кусочек старой доброй Америки.

Его неуверенность вызвала сочувствие у Николаса, и он умоляюще посмотрел на отца. Консул ответил Элвину предельно вежливо, но, когда тот ушел, губы Брэнда скривились. Никто не мог поставить под сомнение его лояльность к своей стране, и все же он считал себя рафинированным космополитом, вылепленным европейской культурой, – по сути, гражданином мира! Неудивительно, что наивная фраза Элвина вызвала у него усмешку.

В семь часов вечера Гарсиа, замечательно предвосхитив пожелание хозяина, объявил, что обед подан. В столовой их ждали два прибора, и, усевшись в разных концах длинного

резного стола с горящим канделябром посередине, отец и сын приступили к первой трапезе в новом доме.

Погруженный в свои мысли и глубоко озабоченный переутомлением Николаса, консул ел молча. Но превосходная еда и отменное обслуживание, приятная полутьма прохладной комнаты принесли ему успокоение, развеяв все досады и огорчения этого дня. Тяжелым задумчивым взглядом сопровождая все движения дворецкого, он наконец приподнял завесу непроницаемой сдержанности:

- Вас зовут Гарсиа, как я понимаю?
- Да, сеньор.
- Вы всегда жили в Сан-Хорхе?

Гарсиа выпрямился с бесстрастным видом. В глубине его лишенных выражения глаз на мгновение вспыхнуло, отразившись, пламя свечей.

– Нет, сэр. Я жил в гораздо более крупных городах. И всегда у самых лучших людей. Прежнее место моей службы было у семьи де Аоста в Мадриде.

- Вы имеете в виду маркизу де Аоста?
- Одну из ветвей этой семьи, сеньор.

Харрингтон Брэнд понимающе кивнул. Он бы возмутился, если бы его обвинили в снобизме. Тем не менее он придавал большое значение общественному устройству, и ему было приятно, что этот молчаливый человек, который сейчас ему прислуживает, имеет, если можно так выразиться, аристократические рекомендации.

– Передайте поварихе, что утром я хочу ее видеть. У сына хрупкое здоровье, ему требуется особая диета.

- Когда Гарсиа, поклонившись, бесшумно удалился, консул с удовлетворением заметил:
- Превосходный малый!

Слово «превосходный» – относилось ли оно к слуге, лошади или его близкому другу профессору Галеви из Парижа – было высшей похвалой в устах консула. Но на этот раз Николас не смог разделить восторг отца. Первым же косым взглядом дворецкий вызвал в нем странное неприятие, которое он не мог объяснить.

Допив кофе, консул многозначительно посмотрел на свой золотой брегет. Но Николас, на которого возбуждающе действовала необычность виллы, стал упрашивать отца погулять перед сном в саду, и тот милостиво согласился.

В пальто, укутавшем узкие плечи, чтобы исключить малейшую вероятность переохлаждения, мальчик глубоко вдыхал теплый душистый воздух, лившийся, казалось, из ниоткуда, смывая все представления о пространстве и времени. И хотя гул поездки все еще звенел в ушах Николаса, он ощущал, как на него и на сад опускается вечерний покой. Сад был больше – да что там! – огромнее, чем он ожидал, и восхитительно запущенный. От крыльца в сад под тремя перголами, сгибающимися под тяжестью вьющихся роз, сбегала дорожка, с обеих сторон окаймленная широкими травянистыми бордюрами, на которых в беспорядке росли примулы и большие белые пионы. Слева были заросли мирта и олеандра, полные белых и розовых душистых цветов. С другой стороны раскинулся луг (возможно, когда-то здесь был газон), а на нем два прекрасных дерева – раскидистая катальпа и тамариск; далее, за низкой оградой и деревянным сараем, лежала каменистая пустошь, усеянная белыми валунами, колючими кактусами и сиреневыми кустами азалии. За пустошью заросли лавра скрывали конюшню и жилые помещения, а дальше склон с чахлыми кедровыми деревцами плавно переходил в морской берег.

Николас стоял рядом с отцом, упиваясь этой красотой, его пьянили ароматы почвы и буйной растительности, и в душе у него стало зарождаться предчувствие, переходящее в уверенность: здесь он может быть счастлив. Никогда еще, ни в одном из мест, где им приходилось жить, он не ощущал ничего подобного. Здесь он будет счастлив! Снизу приглушенно доноси-

лись резкие вздохи прибоя. Радость захлестнула мальчика, он зажмурился, боясь расплакаться, и стал дышать медленно и глубоко в счастливом ожидании.

– Правда красиво, папа? – проговорил он, желая продлить это мгновение.

Неожиданно для самого себя консул улыбнулся той редкой улыбкой, которую только Николасу дано было вызвать у отца. Прелесть сада не оставила равнодушным и его. Обводя взглядом спутанные кусты олеандра и густую изгородь из мимозы, которой Тенни позволил расти как попало, консул мысленно вынашивал не лишённые грандиозности планы благоустройства, свежих посадок, ландшафтного дизайна и садово-парковой архитектуры.

– Это может стать красивым, – снисходительно согласился он. – Нам необходим садовник. Я займусь этим завтра.

Возвращаясь в дом, он нежно смотрел на сына, тревожно думая при этом: неужели этот сад, этот чистый целебный воздух гор и моря не прибавят ему здоровья?

На втором этаже он заранее выбрал для себя и Николаса две смежные спальни в передней части дома, разделенные занавешенным дверным проемом, через который он сможет ночью подойти к сыну, если будет нужно. Сам он спал очень чутко и часто страдал от бессонницы. Тем не менее его бдительно-заботливая любовь к сыну требовала, чтобы он всегда был рядом с ним в ночные часы, когда мальчика терзали кошмары. Николас часто просыпался в холодном поту, трепеща от страха, с бешено бьющимся сердцем. Этот симптом болезни больше всего беспокоил консула.

Их чемоданы наверху уже были разобраны, и Николасу осталось только раздеться, умыться и выпить через стеклянную трубочку железосодержащую микстуру, прописанную ему профессором Галеви, а потом почистить зубы. Затем он в ночной рубашке опустился на колени рядом с отцом для молитвы. Несмотря на приобретенную за время долгого пребывания в Европе светскость, Харрингтон Брэнд оставался – в чем он признавался без тени улыбки – религиозным человеком. Он позволял себе посмеиваться над своими английскими предками, но их пуританский дух был в нем крепок. Он выслушал любимого сына, склонив голову и положив руки ему на плечи, а в конце добавил от себя особую молитву, в которой просил Всевышнего защитить его и сына и благословить пребывание в их новом жилище. Потом помолчал и глухим голосом тихо произнес слова, идущие как бы из самого его сердца:

– Мы просим Божьей милости ко всем грешникам... и особенно, мое дорогое дитя... мы просим милости к твоей матери.

Минуту спустя Николас уже лежал в большой кордовской кровати с отделанным желтой тисненой кожей и большими медными заклепками изголовьем. Консул помедлил, с некоторой неловкостью глядя на почти исчезнувшую под большим парчовым стеганым одеялом фигурку.

– Да, мой мальчик... Ты слишком устал, чтобы читать сегодня.

У Николаса от слабости кружилась голова, веки – фиолетовые тени на бледном личике – тянул вниз непреодолимый сон. Но, зная, какое значение отец придает заключительной части их вечернего ритуала, он с усилием улыбнулся и возразил, что ни капельки не хочет спать.

Поколебавшись совсем недолго, консул уступил своим привычкам, от которых неудержимая любовь к ребенку призывала его отказаться. Зайдя на минутку в свою спальню, он вернулся с увесистой книгой по орнитологии Акермана, уселся на край мягкой кровати и надел очки в роговой оправе.

– Как ты помнишь, Николас, в последний вечер в Арвиле мы обсуждали интереснейшую тему – птицы Южной Африки. Сегодня мы прочтем совсем немного, чтобы не было перерыва в занятиях. – Он полистал книгу. – Итак, мы остановились здесь, – и, прочистив горло, начал читать: – «Страусы, род *Struthio*, – самые крупные из ныне живущих птиц. Они характеризуются наличием двух пальцев на ногах и отсутствием киля у грудной кости. Самец может достигать семи футов в высоту и весить до 300 фунтов. На песчаных равнинах и открытых

местах страусы очень хорошо бегают, но, загнанные в угол, могут стать чрезвычайно свирепыми. Птицы славятся своим великолепным оперением. Самцы проявляют особую заботу о потомстве...»

Глава 2

На следующий день консул встал рано и точно ко времени отбыл в офис. У Николаса же, к сожалению, ночь прошла беспокойно. Сквозь овладевшее им оцепенение проносились, причудливо сплетаясь, детали поездки и скрежет паровозных колес, шум приборя и, непонятно почему, темная, бесстрастная фигура дворецкого. И хотя утром температура была нормальной, отец, обеспокоенный избыточным румянцем на щеках сына, настоял, чтобы тот остался в постели, но, разумеется, пообещал к ланчу вернуться и решить, можно ли ему встать.

Николас расстроился. Вот если бы ему позволили хотя бы просто полежать в этом чудесном саду! Но он был послушным ребенком, хорошо осведомленным о всех своих недугах, и успел привыкнуть к регулярным измерениям температуры и пульса, предписанным профессором Галеви, равно как и к неусыпной заботе отца, которую принимал со своеобразно-сдержанной благодарностью.

Магдалина, запыхавшаяся от подъема по лестнице, но не утратившая радушия, принесла завтрак. Ее черные глаза почти спрятались в складках пухлых смуглых щек, а белый шарф, обмотанный вокруг головы, и металлические серьги в виде колец делали Магдалину похожей на цыганку. Благодаря урокам отца Николас неплохо говорил по-испански, а кроме того, он рано овладел французским и итальянским, но Магдалина тараторила на каком-то диалекте, видимо каталонском, и они плохо понимали друг друга. Уперев руки в бока, она стояла, глядя на него с нескрываемым крестьянским любопытством. Заметив это, мальчик решил ей немного подыграть: захлопав длинными ресницами, он заглотнул воздух и утробно заурчал. Она хохотнула и, покачав головой, вышла.

Завтрак был привычным, но довольно вкусным: яйца всмятку, хрустящие галеты с сотовым медом и стакан кипяченого козьего молока. Очевидно, отец успел дать поварихе указания. Николас ел медленно и благодаря приобретенному опыту не уронил на простыню ни единой крошки. Затем он соскочил с кровати и притащил с туалетного столика мохнатую собаку с короткими лапами, которая тихо и преданно дожидалась его внимания. Он знал, конечно, что ему нельзя держать живую собаку. Не любивший собак консул аргументированно объяснил ему, что трудности, сопряженные с их слишком подвижным образом жизни, исключают такую возможность, и мальчик нашел замену в виде этого маленького чучела. Однако сегодня Николас не был настроен на одну из тех бесед, которые скрашивали им обоим долгие часы одиночества. Он также не смог заставить себя заниматься. Учебник, положенный отцом на тумбочку, чтобы сыну было удобно его брать, удостоился только беглого взгляда. Нет, слишком уж он был возбужден новизной до сих пор не исследованного места. Пока яркий квадрат солнечного света тепло скользил по полосатым бордовым обоям с причудливым орнаментом, которые от этого становились еще занятнее, мальчик лежал на спине, вслушиваясь в безмолвное сердцебиение дома.

Впрочем, не такое уж и безмолвное. Звуки донеслись с первого этажа – неприятные, будто там ссорились, – перепалка с последующим громким стуком, как догадался Николас, хлопнувшей двери кухни. Затем до него донесся приглушенный шепот, звуки неспешной уборки, из столовой внизу послышались шаги и потянуло запахом крепкого табака. Пытаясь выстроить четкую картину происходящего, Николас был застигнут врасплох и даже испуган внезапно открывшейся дверью. Овернувшись, он увидел Гарсиа, взирающего на него с видом заговорщика.

От неожиданности краска бросилась мальчику в лицо. Необъяснимое недоверие к дворецкому, которое он испытал накануне вечером, будто с самого начала почувствовал в нем врага, вернулось с удвоенной силой, когда тот возник на пороге.

– Могу я забрать поднос? – Гарсиа говорил вкрадчиво, с подчеркнутой учтивостью, но горящая сигарета в желтых от никотина пальцах выдавала его притворство.

– Да, пожалуйста... Спасибо! – запинаясь, ответил Николас слабым голосом.

Дворецкий не сдвинулся с места, лишь обнажил зубы, что при общей неподвижности его черт должно было, вероятно, означать улыбку.

– Не бойтесь меня, – мягко сказал он. – Я хорошо лажу с детьми. В одном доме их было семеро. Младшая девочка любила сидеть у меня на коленях. Потом она умерла. – Николас судорожно вздохнул, а дворецкий, не сводя с мальчика глаз, рассеянно поднес к губам коричневую сигарету и глубоко затянулся. – Когда-нибудь я вам о ней расскажу. У нас может получиться интересный разговор. Я многое повидал. Много грустного и страшного. Много невероятного. Мир полон дураков. А меня ничем не проймешь, ровным счетом ничем.

– Что вы хотите этим сказать? – выдохнул Николас.

Гарсиа равнодушно пожал плечами:

– Потом поймете. Я был солдатом. Офицером. Я видел, как людей избивают, пытаются убивают. Но мы поговорим об этом в другой раз. Скажите, а где ваша мама?

Николас побледнел. Вопрос, заданный с небрежностью, маскирующей дерзость, заново разбередил самые сокровенные раны в его съезжившейся душе. От испуга он чуть не ответил: «Она умерла». Ведь сколько раз отец со скорбью говорил, что для них обоих она все равно что умерла. И только вчерашняя вечерняя молитва о ее прощении не позволила уподобить забвение могиле. Но солгать ему не разрешил природный инстинкт, основанный не столько на неискренности, сколько на странном предчувствии: если он солжет этому человеку, то раз и навсегда будет перед ним беззащитен. Тогда ему не спастись.

– Она в Америке, – запинаясь, произнес Николас.

– О! – воскликнул Гарсиа. – Прекрасная страна! Но почему не здесь?

У Николаса задрожал подбородок, что вызвало трепет губ и тонких ноздрей, лоб сморщился.

– Мама больше не живет с нами, – только и смог выдавить он.

Тонкие губы Гарсиа раздвинулись в беззвучном смехе.

– Значит, она нам никто. Она живет отдельно. Но такое от людей не спрячешь. – Он замолчал, прислушиваясь к неторопливым шагам, донесшимся с крыльца, затем кивнул и тем же тоном, разве что с легким оттенком осторожности, сказал: – Ваш отец вернулся. Не стоит говорить ему о нашем интересном разговоре. Теперь у нас с вами есть тайна. Помните об этом, невинное дитя.

Приблизившись к кровати, он одной рукой ловко поднял поднос и, с полупоклоном и все с той же иронично-лакейской ухмылкой, повернулся и вышел из комнаты.

Растерянный до потрясения, с нахмуренным лбом, Николас остался лежать. Он был подавлен и опустошен, и лишь появление отца удержало его от плача.

Консул пребывал в хорошем расположении духа, явно не омраченном утренней работой, и после беглого осмотра позволил сыну встать. Пока мальчик одевался, консул, присев на край кровати, говорил и говорил в совершенно несвойственной ему манере, перескакивая с одного на другое. Офис оказался лучше, чем он ожидал, – маленький, но вполне современный – и находится над гаванью, откуда летом будет дуть приятный бриз. Кроме Элвина Деккера, в штате состоят два клерка-испанца. Оборудование в исправном состоянии, кроме нуждающейся в ремонте пишущей машинки и сломанного ротатора, который он уже велел заменить.

– А теперь тебе, наверное, будет интересно узнать, что я нашел садовника, – все тем же оживленным тоном продолжил консул. – Он во дворе. Пойдем, посмотришь на него.

Бок о бок, не спеша, они спустились по лестнице. Высокий, ладно скроенный юноша лет девятнадцати с открытым лицом и мягким взглядом черных глаз, стоя у задней калитки, смотрел на них с почтительным вниманием. У юноши были ярко очерченные брови и густые

черные волосы, а над верхней губой уже виднелась незрелая, трогательная тень. Простое лицо, несмотря на шафрановый цвет, было бы даже красивым, если бы его не портил полуоткрытый рот с пухлыми губами. Молодой человек был одет в свой лучший костюм из дешевой ткани, но тщательно вычищенный, с очень коротким – по каталонской моде – пиджаком; манжеты брюк слегка обвисали, прикрывая разбитые башмаки. Его большие смуглые руки сжимали круглую плоскую шляпу.

– Итак, парень, как, ты сказал, тебя зовут? – весело окликнул его консул.

– Хосе, сеньор... Хосе Сантеро.

– И что, ты опытный садовник?

Хосе виновато улыбнулся, обнажив прекрасные белые зубы. И такой заразной была эта теплая естественная улыбка, что Николасу тоже захотелось улыбнуться в ответ.

– Я умею копать и рыхлить землю, сеньор. Могу подрезать и сажать деревья. Я очень старательный. Но не слишком опытный.

– Я был уверен, что у тебя есть опыт работы, – несколько раздраженно заметил Брэнд.

– Да, конечно, сеньор, – поспешил ответить Хосе. – Я три года работал на виноградниках в Монтаре. Но сейчас в горах нет работы...

– У тебя есть рекомендации?

У Хосе перехватило дыхание. Улыбка стала жалкой, он перевел взгляд на мальчика, как бы ища у него поддержки.

– Мы не заботимся о таких вещах, сеньор. Вы можете спросить Диего Боргано из Монтары, думаю, он обо мне плохого не скажет.

Наступило молчание. Николас с беспокойством посмотрел на отца. Тот покусывал губу, явно озадаченный таким поворотом дела, и мальчик решительно подавил в себе желание, которое могло только повредить Хосе, попросить отца нанять этого садовника – такого молодого, приветливого и такого симпатичного.

Звук обеденного гонга ускорил принятие решения. В конце концов, на бирже о парне хорошо отзывались.

– От тебя потребуется усердный труд, – строго сказал консул. – Оплата тридцать песет в неделю. Ты согласен?

– Я принимаю ваши условия, – серьезно ответил Хосе.

– Очень хорошо, – произнес Харрингтон Брэнд. – Приходи завтра к восьми часам, я покажу тебе, что нужно делать... Пошли, мой дорогой. – Взяв сына за плечо, он направился в дом.

В глазах Николаса запечатлелся приятный облик испанского юноши, держащегося скромно, но с достоинством в своей бедной воскресной одежде, со смешной твердой шляпой в красивых смуглых руках. Поднимаясь вслед за отцом по ступеням веранды, он, подчиняясь непреодолимому желанию, посмотрел назад через плечо и улыбнулся. Зубы Хосе сверкнули в ответной улыбке, и он, к большой радости мальчика, весело помахал ему рукой. И что-то в этом жесте проникло в самое сердце Николаса... Со скрытым удовольствием он все время думал об этом и во время ланча, и потом тоже и тихонько про себя смеялся.

Глава 3

Для Николаса было устроено место под олеандрами, где цветущие ветки, свисая, образовали подобие беседки. Здесь, в соответствии с составленным отцом расписанием, он проводил большую часть времени между ланчем и чаем, лежа в шезлонге, дыша морской свежестью и внимательно читая книгу, несомненно полезную, поскольку выбрал ее сам консул.

Но в это утро взгляд мальчика то и дело невольно перебегал со страниц на нового садовника, приводящего в порядок разросшийся бордюр под катальпой. Николасу вот уже два дня очень хотелось с ним поговорить, но случай все никак не подворачивался, а подстроить его самостоятельно не позволяла застенчивость. Теперь же, видя, с какой скоростью Хосе продвигается вдоль бордюра, взрыхляя землю и выпалывая сорняки, мальчик понял, что садовник вот-вот окажется рядом, и его сердце застучало быстрее в предвкушении встречи, ведь он с самого начала почувствовал ток взаимопонимания – точнее не скажешь, – текущий между ним и этим испанским юношей. Конечно, он мог ошибаться. Хосе вполне мог оказаться таким же лживым льстецом, как Гарсиа, но Николас гнал от себя эту мысль – слишком велико было бы разочарование, такого ему не вынести.

В конце концов садовник приблизился к беседке, выпрямился, облокотившись на ручку заступа, и улыбнулся Николасу. Мальчик знал, что ему следует заговорить первым, но ничего не мог придумать, а когда наконец нашелся, слова застредали у него в гортани.

– Вы так тяжело работаете, – по обыкновению зардевшись, выдавил он.

– Нет, нет! – Улыбка Хосе стала шире, и он пожал загорелыми плечами.

Он был обнажен до пояса, а туго подпоясанные хлопчатобумажные штаны и эспадрильи не скрывали очертаний стройных сильных ног. Игра мускулов под гладкой золотистой кожей делала ее живой и теплой. Дыхание, несмотря на физические усилия, было спокойным.

– А вы не работаете? – помолчав, наивно спросил он.

– Я занимаюсь. – Николас указал на книги, лежащие рядом с ним на плетеном столе, при этом румянец на его щеках стал ярче.

– Да, конечно, – серьезно кивнул Хосе в знак признания за собеседником интеллектуального превосходства. – Думаю, вы очень умны.

– Вовсе нет! – еще сильнее раскрасневшись, запротестовал Николас. – Просто мне нужно много отдыхать, поэтому я и читаю.

– Вы заболели?

– У меня температура всегда немного повышена, – смущенно пояснил Николас. – Слабое здоровье...

– Если бы вы работали, как я, – все так же с улыбкой сказал Хосе, – вы бы окрепли. – Он протянул руку. – Идемте. Я вскопал землю, а сейчас буду сажать цветы. Вы мне поможете.

Николас онемел от восторга и заколебался, но всего на мгновение. Он всем сердцем рвался пойти с Хосе, чья надежная рука, развеяв застенчивость мальчика, с такой легкостью подняла его на ноги, будто он весил не больше перышка. Они пошли в сарай, где Хосе поставил на плечо открытый ящик с рассадой петуний, который консул сегодня утром велел ему принести с рынка, а оттуда направились к дальнему краю газона. Здесь, натянув вдоль свежевскопанного бордюра две бечевки, Хосе приступил к посадке. Сначала Николас только наблюдал за работой садовника, затем, в ответ на его приглашающий взгляд, наклонился и сам несмело опустил рассадку в землю. После этого он уже не мог остановиться. До чего же приятно брать в руки прохладный зеленый стебелек, уминать теплую мягкую землю вокруг волосяных корешков, смотреть, как храбро тянется к свету этот маленький росток!

Николас всегда жил в городах, в домах, выходящих прямо на улицу, и теперь, сидя на корточках рядом с Хосе под припекающим затылок солнцем, вдыхая пьянящий дух земли, он

чувствовал, что ничего более чудесного в своей жизни не знает. Даже пот, щекочущий тело под майкой – обычно такой зловещий симптом, – его совсем не беспокоил.

К четырем часам с посадкой было покончено, и, стоя рядом с Хосе, Николас с гордостью взирал на аккуратный цветник, где вскоре распустятся красивые яркие цветы. Мальчик был так поглощен содеянным чудом, что не услышал, как во двор въехала машина, и голос отца за спиной застал его врасплох:

– Николас, чем ты тут занимаешься? – В удивленном возгласе консула слышался оттенок неодобрения.

Мальчик подпрыгнул от неожиданности, а когда повернулся к отцу, его лицо еще сияло радостью от собственного достижения.

– Папа, тут было так интересно! Я смотрел и даже помогал сажать эти петунии. Теперь их нужно полить, иначе они не расцветут. – И затем умоляющим тоном добавил: – Еще не очень поздно. Можно мне немножко подождать и посмотреть, как все будет сделано?

Брэнд недовольно перевел взгляд с сына на садовника, а тот, зная свое место, отступил на пару шагов и стал наматывать бечевку на колышек. Его лишенное всякого намека на индивидуальность занятие, похоже, успокоило консула. Облачко, показавшееся было на его челе, как дымка на Олимпе, развеялось, и, подняв брови, он сухо изрек:

– Только не слишком долго. И смотри не простудись. Привезли наш багаж. Пойду распаковывать.

– Спасибо, папа! – Николас радостно захлопал в ладоши. – Я уже давно не простужаюсь. Я скоро приду.

Харрингтон Брэнд вошел в дом. В холле его ждали три аккуратных деревянных контейнера, которые успели освободить от крышек и излишков соломы. Расторопность дворецкого заслуживала похвалы. Консул подошел к сонетке и вызвал его звонком, затем, беспокоясь о сохранности своего сокровища, стал внимательно изучать содержимое багажа. А вот и оно! Он осторожно вынул из самого маленького ящика толстую пачку машинописных листов, перевязанную красной лентой.

– Звонили, сеньор?

Брэнд обернулся:

– Ах да, Гарсиа. Отличное начало работы! Возьмите это. Осторожнее, пожалуйста. Это рукопись моей книги.

Дворецкий широко раскрыл глаза:

– Сеньор писатель?

Польщенный этим возгласом с примесью лести, Харрингтон Брэнд склонил голову:

– Я уже много лет занят одной серьезной работой... биографией великого человека.

– Сеньор имеет в виду себя?

Брэнд рассмеялся, по-настоящему рассмеялся от удовольствия:

– Ну-ну, Гарсиа. Вы слегка поторопились. Возьмите плотную оберточную бумагу и хорошенько упакуйте рукопись. Я хочу взять ее с собой в офис. Потом поможете мне с оружием.

– Слушаюсь, сеньор.

Дворецкий ушел, а консул, помешкав минутку, двинулся к ближайшему ящику и стал ощупывать его содержимое, размышляя, с чего начать. Вдруг взгляд его упал на картонную папку, лежащую в ящике на самом верху. Брэнд изменился в лице. С его губ сорвался приглушенный возглас. Упаковкой багажа занималась фирма «Гаврские перевозки». Из недр письменного стола они извлекли на свет фотографию, которую он давно убрал с глаз долой. Портрет его жены.

Медленно, будто ядовитую змею, консул вынул фотографию и заставил себя посмотреть на нее. На его лице застыло выражение затравленности. Да, это была Мэриан: бледное прелестное лицо с ласковыми темными глазами, чувственные губы приоткрыты в едва заметной

улыбке, всегда вызывавшей у него недоумение. С фотографией в руке он задумчиво опустился на широкий подоконник в оконной нише, вспоминая тот роковой вечер, когда впервые ее увидел.

Это случилось лет десять назад в Боудин-колледже, куда во время своего длительного отпуска он приехал из Вашингтона выступить перед студентами с лекцией. На последовавшем за лекцией фуршете Брэнд заметил стоящую у дверей бледнолицую тоненькую девушку в черном – как позже выяснилось, она была в трауре по умершей матери – и был внезапно охвачен чувством, которого никогда ранее не испытывал в своих отношениях с противоположным полом. Он представился ей, наведя предварительно справки и выяснив, что она бедна и что в одной из самых жалких в городе съемных квартир лежит ее неизлечимо больной отец, бывший профессор университета, а ныне пенсионер.

Брэнд решил провести отпуск в Мэне, нашел поблизости хороший отель и самым серьезным образом, хотя и без особого успеха, но весьма настойчиво принялся добиваться благосклонности Мэриан. Она сказала ему, что замуж не хочет. Дважды получив отказ, он рассердился и уехал месяца на два, но, не в силах забыть ее красоту, вернулся, влекомый страстью. В феврале умер ее отец, и Мэриан осталась одна. Грех было упускать такую возможность. И в день похорон, когда она, одинокая, притихшая и несчастная, сидела, глядя на дождь, струящийся по оконным стеклам, когда комната, слякоть и снег на улице, да и вообще все обстоятельства ее жизни предстали перед ней еще более унылыми, чем обычно, Мэриан со странным безразличием уступила ему.

Что же было потом? Он делал все, что мог, чтобы доказать свою любовь, и не было на свете человека более преданного. Он по-прежнему служил в Вашингтоне, его перспективы были радужными, а их номер в отеле – уютным. Не жалея средств, он окружал ее комфортом, выбирал для нее книги и цветы, планировал ее развлечения, советовал, с какими людьми следует знаться, даже помогал в выборе одежды. Везде и всегда он был рядом. На приемах, которые она вынуждена была посещать, он ни на шаг от нее не отходил. Когда же волей-неволей они бывали разлучены – за обедом или в переполненных гостиных, – им овладевала такая тоска, что он устремлялся за ней, нимало не заботясь о том, что окружающие видят, насколько она желанна и необходима ему.

Она была невероятно тихой и делалась все более молчаливой, но его это не смущало, так как сам он любил поговорить. Порой, когда он пространно излагал ей свое мнение о политике, искусстве или, скажем, о личной гигиене, ему вдруг становилось неуютно от ее взгляда и едва заметной, необъяснимой улыбки. Тем не менее для него было полной неожиданностью, когда через несколько месяцев после рождения ребенка она, без кровинки в лице, нервно отводя взгляд, попросила об отдельной комнате. Горечь от этой обиды так и не прошла.

– Но почему? – сильно побледнев, запинаясь, произнес он. – Разве ты не моя жена?

Она ответила так тихо, что он едва расслышал:

– Мне бы хотелось хоть иногда принадлежать самой себе.

Конечно же он не согласился! Он имел на это право, ведь она была его законной супругой. Тогда он впервые почувствовал ее отвращение к нему, странную и немыслимую неприязнь. Вопреки всем его усилиям овладеть ею полностью – физически и духовно, – барьер между ними рос все больше.

Он был сильным мужчиной, убедительно и страстно исполняющим свою роль в чувственной области. Но как часто в момент кульминации его лишало наслаждения пугающее осознание своего одиночества: она лежала со стиснутыми зубами, застыв без движения, как труп, выброшенный из ледящего моря.

Понимая в душе всю абсурдность этого, он тем не менее был склонен подозревать наличие у нее любовника, ревниво следил за ней, вплоть до того – муж он или не муж? – что нанял агента шпионить за ее передвижениями. И все впустую. Может быть, она просто не любила его?

Затем его направили в Европу, а неизменный успех предпринимаемых им шагов привел их в Штутгарт, Льеж, Анкону... Нормальная любящая женщина была бы счастлива находиться там вместе с ним, говорил он ей с горечью. Возможно, она тосковала по родине? Эта мысль время от времени помогала ему, спасая уязвленное самолюбие. И, получив дополнительный отпуск, он отвез ее с трехлетним Николасом назад в Америку. Увы, именно там ему нанесли последний удар. Однажды она, с опущенной головой, с ввалившимися щеками, пришла в их арендованную квартиру в Нью-Йорке и сказала, что должна на время его покинуть. Постоянное напряжение их совместной жизни совершенно расшатало ее нервы, ей нужно несколько месяцев побыть одной, прийти в себя.

Он похолодел. Испытывая непреодолимое желание грубо стиснуть ее, он, отменяя мольбы, предъявил ультиматум:

– Если уйдешь, обратно я тебя не приму. Или все, или ничего! – В ее темных глазах таилась вечно мучившая его загадка; он до крови закусил губу и, не дождавшись ответа, продолжил: – Ни денег, ни положения ты не получишь. Ребенка тоже. Не тебе его воспитывать!

– Как будто сейчас у меня это есть, – грустно ответила она и медленно вышла из комнаты.

Здесь, в оконной нише этого испанского дома, обхватив голову руками, он все еще видел ее стройную покачивающуюся фигуру в сером платье, ощущал тепло и аромат ее присутствия. Она ушла, вырвав себя с корнем из его жизни. По последним, косвенно дошедшим до него сведениям, она жила в женском пансионе в Нью-Йорке, работая – за гроши, как он полагал, – в местном центре социальной помощи. Значит, так тому и быть. По крайней мере, у него было то, чего не было у нее, – их сын. Отвергнутая ею любовь теперь полностью принадлежала Николасу. Он не отрицал, что обожает мальчика и что всегда будет холить и лелеять его. Всегда!

Довольно долго просидел он так, склонившись, с лицом, искаженным злобной страстью, и губами, искривленными в подобии усмешки. Внезапно его вырвал из задумчивости донесшийся с улицы смех. Подняв голову, он угрюмо смотрел, как за окном Хосе и его сын вместе тащат лейку вдоль садовой дорожки, смеясь шутке, забавлявшей, очевидно, их обоих.

Щека консула непроизвольно дернулась, словно ему нанесли еще одну пощечину. Резко встав, он подошел к двери и, сдерживая голос, позвал:

– Николас, иди сюда, мой мальчик. Быстро сюда!

Глава 4

Недели три спустя, поздним воскресным утром консул не спеша завтракал с сыном в залитой солнцем столовой. За окном весна, прелестная, как невеста, уже разворачивала перед ними такой восхитительный день, что Николасу захотелось съесть тост с медом на открытой веранде. Но отец, опасаясь коварства утреннего воздуха, укоризненно покачал головой и велел Гарсиа поставить маленький столик у окна. Отсюда мальчик мог видеть мелькание алых попугайчиков среди кустов мимозы и слышать отдаленный перезвон церковных колоколов.

– Папа... – Время от времени Николас поглядывал на консула, который в самом благодушном расположении духа с удовольствием раскуривал кубинскую сигару, просматривая при этом «Эко де Пари» двухдневной давности – единственную газету, которую он считал достойной внимания. Раз в неделю он получал ее по почте от своего друга Галеви. – Папа, мне так хочется пойти сегодня на пелоту!

Консул медленно опустил газету.

– На пелоту? – непонимающе переспросил он.

– Да, папа. – Мальчик покраснел, но, набравшись смелости, продолжил: – Это здешняя игра, похожая на гандбол. Очень быстрая и захватывающая. Все города Коста-Бравы входят в лигу. Сегодня Уэска, чемпион, встречается с Сан-Хорхе.

Харрингтон Брэнд с изумлением взирал на оживленное лицо сына. Постепенно черты его лица разгладились.

– Так-так! – снисходительно воскликнул он. – Значит, Гарсиа успел с тобой пообщаться. Что за вздор творится здесь, пока я в офисе! Ну и где же состоится этот знаменательный матч?

– В рекрео, папа. – Николас вздохнул, не решаясь признаться, что Гарсиа тут совершенно ни при чем. – В четыре часа. Давай сходим...

На подвижных губах консула промелькнула улыбка. Ему было приятно, что его дорогое дитя само ищет его общества.

– Что ж, – покладисто ответил он. – Выпей микстуру, допиши сочинение на испанском, отдохни часок после ланча... А там посмотрим.

– Спасибо! Спасибо, папа! – радостно запрыгал Николас.

Они выехали из дому в половине четвертого – веселый и оживленный Николас и не скрывающий снисходительного добродушия мистер Брэнд. В спорте консул не разбирался. Однажды в Анконе он вбросил первый мяч в бейсбольном матче между командами, набранными из находившихся там моряков американских военно-морских сил; пару лет спустя в Кнокке он вручал награды победителям местной регаты. Сейчас же он, как ни странно, присоединился к ожиданиям сына.

Оставив машину на площади, они по хитросплетению узких улочек на задах рынка вышли к рекрео, расположенному в нижней части города, что вызвало у мистера Брэнда нехорошее предчувствие. Рекрео оказалось невзрачной бетонной площадкой, огороженной штaketником, на котором красовались афиши местного театра и объявления о предстоящей апрельской корриде в Барселоне. Тем не менее консул охотно прошел вслед за Николасом в первый ряд трибун с простыми скамейками без спинок. Прямо перед ними человек в одной рубашке без пиджака, макая кисть в ведро с краской, освежал красные линии игрового поля.

Они пришли рано. Только на верхнем ярусе несколько парней, задрав ноги на скамейки, курили, хрустели сушеной саранчой, громко шутили и спорили в удручающе вульгарной манере. То и дело прибывали новые зрители, в основном молодые мужчины и подростки, занимали места в задних рядах и включались в общий разговор. Консул подумал было, что их места, по крайней мере, позволяют находиться в отдалении от этих хамов с руками в кар-

манах. Но, увы, не успели портовые часы пробить четыре, как трибуна заполнилась шумной толпой настоящих болельщиков, локтями пролагающих себе путь к свободным местам. В одно мгновение все скамейки были заняты, и даже проходы заполнились сидящими на корточках людьми. Плотный коротышка в поношенном черном сомбреро и темном блестящем костюме, держа в одной руке половину луковицы, а в другой кусок хлеба, втиснулся рядом с консулом, дружелюбно оскалившись, наточил о сапог складной нож и начал шумно есть. Над всей ареной зазвучали короткие свистки, сопровождающиеся медленным, ритмичным топотом ног и криками «Оле-оле-оле!».

– Скоро начнется, папа! Объяснить тебе правила игры? – Подавшись вперед, Николас с увлечением указал на противоположный конец площадки. – Видишь эти две стены? Они расположены точно одна против другой на расстоянии примерно двухсот футов. Одна называется фронтис, вторая – парео де реботе. Красными линиями на них очерчены места, куда должен ударить мяч. И то же самое означает красная линия на площадке. Если мяч выскочит за красные линии – это ошибка и противнику засчитывается очко. – Он тараторил не умолкая под удивленно застывшим взглядом консула. – С каждой стороны по два игрока: нападающий и защитник. Игроки Уэски – в синих футболках, Сан-Хорхе – в белых. Пелота – это мяч. Он сделан из натурального каучука, обшит тканью и обтянут кожей. Его бросают с помощью сесты, то есть ракетки-ловушки. Игра быстрая, просто до жути быстрая...

Его рассказ был внезапно прерван слаженным криком зрителей, когда, перепрыгнув через ограждение на противоположной стороне бетонного прямоугольника, на корт вышли четверо игроков в футболках и белых полотняных брюках; к правой руке каждого была прикреплена с помощью перчатки легкая плетеная корзинка. Спортсмены начали разминаться, бросая мяч в стенки, и консул ощутил, как напрягся Николас.

– Ну вот, папа, теперь ты видишь, почему мы здесь. Ты не ожидал этого, правда? Ведь это же здорово?

Сначала Брэнд не понял, но, проследив за горящим взглядом сына, увидел, что тот не отрываясь смотрит на младшего из двух игроков Сан-Хорхе, чья высокая гибкая фигура с изящной легкостью перемещалась по корту. Это был Хосе.

Консул вздрогнул, переменился в лице и застыл, как громом пораженный. Все вдруг встало на свои места: стремление мальчика попасть на этот матч, его доскональное знание игры, его невообразимый и тем не менее очевидный сговор с молодым садовником.

– Папа, смотри, смотри! – крикнул Николас. – Скоро начнется! Хосе увидел нас. Он мне только что помахал!

На корте нападающий Уэски уже занял свое место на отметке. Во внезапно наступившей тишине он ударил мяч о землю, а затем резко метнул его в стену. Харрингтон Брэнд тупо следил за мячом, с невероятной скоростью летающим взад и вперед. Боль и мешающее дышать стеснение в груди еще более усиливали ощущение подавленности. Не будь они так стиснуты толпой, он бы встал и увел сына из этого отвратительного места. Вместо этого, сознавая, что только усугубит свои страдания, консул искоса посмотрел на Николаса, а тот, сидя на самом краешке скамьи и совсем не замечая неудобства, был весь поглощен ходом состязания. С горящими глазами и полуоткрытым ртом, сжимая и разжимая кулачки, он раскачивался и замирал в такт со всеми, одобрительно или испуганно вскрикивая вполголоса; время от времени, набравшись смелости, его голос взмывал к самым высоким частотам, вплетаясь в нарастающий рев толпы:

– Оле! Оле! Вперед, Сан-Хорхе! Отлично... Классный удар, Хосе, амиго!

Харрингтон Брэнд заставил себя отвести взгляд и снова уставился на площадку. Там уже разогревшиеся игроки перешли к обмену дальними ударами и яростно гвоздили мячиком стенку с любой позиции. С невероятным проворством ловили они мяч и мгновенно отбивали,

пулей направляя его в разметку на стене. Брэнд заметил, что силы сторон равны – цифры на табло показывали ничейный счет 19:19.

Оба игрока Уэски были молоды и очень ловки. В отличие от них невысокий смуглый защитник Сан-Хорхе был не первой молодости; коротко стриженный и кривоногий, он демонстрировал опыт и расчетливую игру, но недостаток скорости не позволял ему держать под контролем весь свой участок площадки. Таким образом, его напарнику приходилось работать за двоих, и, с неприязнью наблюдая за точными движениями Хосе и его виртуозной работой с мячом, консул не мог не признать, что юноша намного превосходит остальных игроков на площадке. И консул тут же мысленно пожелал команде Сан-Хорхе проиграть.

Сохраняя на лице привычно бесстрастное выражение, Харрингтон Брэнд стал пристально следить за каждым броском, каждым поворотом игры. Счет был уже 35:32 в пользу пары из Уэски, которая мастерски наносила удар за ударом над головами команды Сан-Хорхе. Эти непрерывные атаки, а также груз прожитых лет заметно сказывались на старшем из игроков, и Брэнд злобно усмехнулся про себя, услышав крики местных болельщиков, осыпавших градом проклятий его седины.

– Оле!.. Оле!.. Шевелись, Хайме! Беги, старая кляча! Давай, Хосе, амиго, спаси нас от позора, ради Бога!

И, словно вняв их просьбам, Хосе, казалось, был вездесущ – скользил, вытягивался, наносил удары. Все это время, несмотря на учатившееся дыхание и обильный пот, с его лица не сходила улыбка. Но его усилия разбивались о самоотверженное сопротивление парней из Уэски, их лидерство неизменно сохранялось, счет вырос до 48:46.

Публика не умолкала ни на секунду – она ревела, жестикулировала, умоляла и проклинала игроков с истинно латинским напором. И маленький Николас, бледный от возбуждения, неистовствовал вместе со всеми:

– Вперед, Сан-Хорхе! Вперед, Хосе! Даешь победу!!!

Тут форвард Уэски сделал обманный укороченный бросок, и совершенно вымотанный Хайме не успел его отбить. Он в отчаянии вскинул руки, и над трибунами раздался стон болельщиков Сан-Хорхе. Команде Уэски не хватало до победы всего одного очка.

Казалось, исход матча предрешен, как вдруг капитан Уэски, подпрыгнув, поскользнулся на бетоне и упустил мяч. Сразу же встав, целый и невредимый, он уверенно помахал своим болельщикам. Но, едва вернувшись в игру, был награжден пушечным ударом Хосе. Публика ахнула. Счет стал 49:48.

Переполненные трибуны замерли. Хосе подошел к центральной отметке. Розыгрыш мяча начался в полной тишине и длился невыносимо долго, нагнетая атмосферу азарта и неизвестности. Уэска играла сдержанно, рассчитывая на ошибку противника, но и противник, ощущая бремя лежащей на нем ответственности, также старался не рисковать. Монотонный обмен ударами был прерван маневром Хосе, который, внезапно нарушив ритм, сделал длинную передачу, послав мяч под углом между игроками Уэски. Счет сравнялся 49:49.

Публика затаила дыхание. Все вскочили и подались вперед, наблюдая за полетом мяча. Очертя голову команда Уэски ринулась в последнюю атаку, осыпая Хосе сокрушительными ударами с лёту. Тот же, будто в него бес вселился, доставал и отбивал их, как автомат. И вот в его сторону последовал пушечный удар, отбить который было явно невозможно. Парень рванулся изо всех сил, высоко-высоко взлетев над площадкой, и врезал по мячу так, что поставил победную точку в игре.

Единый протяжный выдох вознесся к небесам, и началось что-то невообразимое. Мужчины бросали в воздух шляпы, плакали, смеялись, обнимались, иступленно орали как одержимые.

Николас с горящими глазами стоял на скамейке, не переставая размахивать руками, и дико кричал:

– Ура! Ура! Я знал, что он сможет! Я знал! Я знал! Ура!

Когда уставшие игроки вяло побрели с площадки, толпа, перемахнув через ограду, налетела на них пчелиным роем. В одно мгновение Хосе был окружен, его обнимали, целовали, хлопали по спине, а когда он взмолился о пощаде, подняли его на плечи, вызволив из толчеи.

– Папа, – выдохнул Николас, слезая наконец со скамьи, – правда здорово? Я так рад, что ты привез меня сюда.

Консул натянуто улыбнулся. Кульминация игры и последовавший за ней ажиотаж повергли его в состояние глубочайшей подавленности. Но он ни за что не позволил бы этой странной, необъяснимой горечи, разъедавшей его грудь, вырваться наружу. Он взял сына за руку и сквозь поредевшую толпу повел в сторону площади.

– Это наша победа! – не умолкал Николас по пути к машине. – Ведь Хосе работает у нас. А это он выиграл игру.

Не отвечая, Харрингтон Брэнд резко повернул ключ автоматического стартера. Он вел машину, глядя прямо перед собой, а Николас, украдкой поглядывая на него, думал, чем он мог непреднамеренно рассердить отца.

– Что-нибудь не так? – наконец спросил он.

Последовала ощутимая пауза.

– Нет, Николас, все в порядке, не считая того, что у меня ужасно болит голова. Видишь ли, я не привык, чтобы всякая шушера стискивала меня, толкала локтями, пинала, и все это ради какой-то дурацкой игры.

– Папа... – хотел было возразить сбитый с толку Николас, но, взглянув на застывший профиль отца, замолчал.

Это молчание продолжалось и во время обеда, который был накрыт к их возвращению, – одно из тех ледяных и отчужденных молчаний, периодически навязываемых консулом, когда он, казалось, полностью уходил в себя и смотрел сквозь людей и предметы с видом оскорбленного бога, для которого существует только неземное и вечное.

– Папа, можно мне пойти к себе? – допив молоко, тихо спросил Николас.

– Как хочешь.

Медленно и печально поднимался мальчик по широким деревянным ступеням. Радость этого дня, с его восторгом и новизной, оттенками и блеском, угасла в нем. Ни Хосе, ни игра больше не занимали его. Он мог думать только о суровом, страдающем лице отца. Привыкший к совместному вечернему ритуалу, Николас почувствовал себя отвергнутым и поспешил укрыться в просторной темной спальне. Вяло раздевшись и умывшись, он натянул ночную рубашку. Потом обернулся и увидел в дверях консула.

– Ой, папа! – облегченно выдохнул он. – Я уж думал, ты не придешь.

– Я не забываю о своих обязанностях, Николас, – серьезно ответил консул.

– Папа, прости меня, если я виноват... – Мальчик с трудом сдерживал слезы. – Только... только я не знаю, что я сделал...

– Приготовься к молитве. – Консул занял свое обычное место и обнял сына за плечи. – Ты растешь, Николас, – тихо сказал он. – Ты должен сознавать, сколь трудна и тягостна моя жизнь. Ты знаешь, какое бремя я несу с тех пор... с тех пор, как твоя мать нас покинула. В последнее время из-за литературных трудов у меня усилилась бессонница, ночи превратились в кошмар. Бывают дни, когда я так измучен и истощен, что не могу сосредоточиться на работе. И тем не менее... – консул приподнял сведенные брови, – несмотря ни на что, я полностью посвятил себя тебе.

Мальчик опустил голову. На его мягких ресницах, как хрустальные капельки росы, появились слезы.

– Да, Николас, я стал тебе не только отцом, но и другом, и учителем, и нянькой. Не скрою, эта преданная служба приносит мне большое счастье и радость... Она как бальзам для моей измученной души. Это, мой родной, – бескорыстный труд. Но даже самая бескорыстная любовь рассчитывает на ответное чувство. Именно поэтому сегодня мое сердце разбито от мысли, что я тебе безразличен.

– Нет, папа, нет! – обретя наконец дар речи, крикнул Николас. – Это неправда! Как ты мог так подумать?!

Искаженное страданием лицо задрожало.

– Иногда достаточно какой-то мелочи, дитя мое. Небрежное слово... взгляд... случайный жест...

– Нет! Нет! – Николас почти кричал. – Я люблю тебя, люблю! Мама поступила с тобой отвратительно! Но я никогда тебя не брошу! Мы всегда будем вместе. – Истерически всхлипывая, дрожа всем телом, он поднялся с колен и бросился отцу на шею.

– Мой, мой мальчик, – пробормотал консул, крепко прижимая к себе эту легкую живую ношу. Он ощутил трепещущее, подобно птице, детское сердце, чье проникающее тепло растопило боль в его груди, и со вздохом закрыл глаза. Наконец, мягко отстранившись, он с ласковой улыбкой произнес: – А теперь помолись, дитя мое, и я тебе почитаю.

Глава 5

И все же, наслаждаясь примирением, радостно сознавая, что Николас более чем когда-либо к нему привязан, консул не мог забыть, какую роль в этом болезненном, хотя и недолгом отчуждении сыграл Хосе. Прежде, покидая утром виллу, Брэнд имел обыкновение издали отвечать на почтительное приветствие садовника. Теперь же он подчеркнуто равнодушно проходил мимо, не поворачивая головы и глядя прямо перед собой, стараясь его не замечать. Тем не менее краткого мига хватало, чтобы в памяти застрял образ юноши, косившего траву длинной косой: ладно скроенное тело под легкой тканью, энергичные взмахи рук, простодушная улыбка. Досада захлестывала консула, и, даже придя в офис, он еще долго не мог успокоиться.

Консул старался не давать волю чувствам. Нелепо было позволить себе нервничать из-за простого слуги – неотесанного местного сопляка, и уж вовсе не пристало предпринимать какие-либо действия по такому ничтожному, оглядываясь назад, поводу. Ясно было, что парень просто расхвастался перед Николасом своими достижениями в пелоте и пригласил посмотреть, как хорошо он играет. Только и всего. Но несмотря на все эти аргументы, консула не покидало странное чувство ревности, а враждебность, словно питая саму себя, только росла день ото дня.

Некоторое время Хосе ничего не замечал, но, когда день за днем хозяин проходил мимо него, нахмурившись, с непроницаемым выражением, юноша начал опасаться, что не сумел угодить, и в его простодушном сердце поселилась тревога. Найти работу в Сан-Хорхе было непросто, а ему надо было думать о своей матери Марии, не говоря уже о сестрах и дедушке Педро, который последние семь лет ни дня не работал. Предчувствие беды заставило Хосе умножить усилия: он начал приходить на работу на полчаса раньше, а уходить с наступлением сумерек.

Однажды утром, работая на нерасчищенном участке за выступом скалы, он заметил три хрупкие белые звездочки с каплями росы, прячущиеся в мохнатых зарослях мирта, – это были первые фрезии. Глаза Хосе загорелись радостью, он постоял минутку, любуясь, а затем кивнул сам себе и, продравшись сквозь подлесок, осторожно сорвал цветы. В сарае, насвистывая себе под нос, он аккуратно привязал их рафией к тонкому побегу папоротника. Пригладив волосы перед осколком зеркала, Хосе устремился к парадному крыльцу. Ему не пришлось долго ждать – вскоре на веранде появился хозяин.

– Сеньор... – сказал Хосе и замолчал, не решаясь произнести заготовленные слова; вместо этого он застенчиво улыбнулся и протянул бутоньерку.

Наступила пауза. Брэнд, словно по принуждению, медленно обернулся и впервые после матча пелоты посмотрел на садовника. Это действие внезапно обрушило некие преграды в душе консула и выпустило на свободу чувство собственного превосходства. Гнетущее напряжение отпустило, и вместо него им овладел едва ли не сверхчеловеческий покой.

– Что это? – бесстрастно спросил он.

– Это вам, сеньор... В петлицу. Первые весенние фрезии.

– Ты сорвал эти цветы?

– Но... Да, сеньор.

– Ты не имел права. Эти цветы – мои. Я не хочу, чтобы их срывали. Я хочу, чтобы они росли в саду, там их место.

– Сеньор... – пролепетал Хосе.

– Довольно. Ты глуп и эгоистичен. Ты превысил свои полномочия. Впредь так не поступай. Ясно?

Под осуждающе-холодным взглядом консула Хосе поник, от бодрости не осталось и следа, глаза потухли. Он уныло посмотрел на душистый букетик, согретый в его потных ладонях, и, не зная, что делать с этим отвергнутым подарком, сконфуженно сунул его за ухо.

Неуклюже двинувшись в сторону миртовых зарослей, он увидел, что Гарсиа, ожидавший рядом с машиной с той странной гримасой – насмешливой и одновременно безразличной, – которая придавала его невозмутимому лицу особенно жестокое выражение, был свидетелем его унижения. Хосе закусил губу и отвернулся, словно желая спрятать вспыхнувшие щеки.

Харрингтон Брэнд ехал в город, выпрямившись на заднем сиденье кабриолета с опущенным ветровым стеклом; бриз приятно овеивал его. Он чувствовал себя легко и комфортно, как будто сбросил сковывавшую одежду и теперь возвращался в нормальное состояние. У консула было такое хорошее настроение, что, войдя в офис и увидев в передней комнате Элвина Деккера, корпящего над стопкой транспортных накладных, он задержался и миролюбиво произнес:

– Доброе утро, Деккер. Кстати, когда вы с женой собираетесь навестить нас в Каса Бреза? – и, когда его приятно удивленный помощник вскочил, радушно добавил: – Воскресенье вас устроит? Приходите к чаю.

– О, благодарю вас, сэр! – обрадованно воскликнул Деккер. – Большое спасибо! Я уверен, что миссис Деккер...

– Вот и отлично, – мягко прервал его консул. – Ждем вас к пяти. Не опаздывайте.

Он прошел в свой кабинет, где на столе уже лежал свежий номер «Эко де Пари», аккуратно освобожденный от обертки. Но ему жаль было растрачивать творческий энтузиазм на чтение новостей. Беглый осмотр показал, что и в официальной почте ничего важного нет. Удобно устроившись во вращающемся кресле, он позволил себе одно из редких отступлений от кропотливой рутины и достал из нижнего ящика пакет, принесенный из виллы накануне, – рукопись о Мальбранше.

Для всех остальных Николя Мальбранш был ничем не примечателен, а то и вовсе неизвестен, и только Харрингтон Брэнд нашел в этом всеми забытом французе, который в XVIII веке попытался соединить учение Декарта с богословием, родственную душу, а в его педантичной философии – образец для поведения. Абсолютное пренебрежение, с которым мир относился к Мальбраншу, только подогревало пыл Брэнда, вселяя гордость. Он, лично он будет признан первооткрывателем, вытащившим этот бриллиант из небытия на яркий свет.

В последние десять лет Брэнд с возрастающим честолюбием неумоимо трудился над составлением жизнеописания своего героя. Несколько раз он отправлял первую половину своей рукописи в ведущие издательства. Ответа не было, что свидетельствовало об отсутствии малейшего интереса. Это вызывало горькую досаду, ибо он не был невосприимчив к бегу времени или к успехам других, однако чужое равнодушие не удивляло и не отпугивало консула. Он считал свой труд слишком научным, не рассчитанным на дешевую популярность, и даже предлагал издать его при необходимости за свой счет, в уверенности, что в узком кругу европейских ученых его труд сразу же будет оценен. Своеобразным вызовом стало его решение дать сыну имя Фрэнсис Николас, вопреки протестам жены, чье неприятие его проекта было, увы, еще одним прискорбным подтверждением ее вероломства. Никогда, никогда не простит он ей эпизода, когда в порыве нежности он позволил ей прочитать некоторые главы своего шедевра, настойчиво желая услышать ее мнение.

– Боюсь, моих знаний для этого недостаточно, – уклончиво ответила она.

– Я, разумеется, не ожидаю от тебя понимания философии, дорогая. Но стиль, драматизм, динамика книги?..

– Ну что ты, Харрингтон! Мне ли об этом судить?

– Да ну! – игриво засмеялся он, поглаживая ее руку. – Критикуй, как тебе хочется. Говори правду.

Последовало тягостное молчание. Затем она сочувственно улыбнулась, словно прося у него прощения:

– Ну если ты настаиваешь, Харрингтон, мне было ужасно скучно.

Что ж, и у Мальбранша тоже была своя Голгофа. Теперь все это уже в прошлом, рукопись почти закончена, и, как бы в предвкушении триумфа, консул твердо взялся за перо. Внезапно он вскинул голову, прервав работу. Его странно посветлевшие глаза на землистом лице смотрели вдаль, вновь и вновь видя складку унижения на лбу садовника. Лицо Брэнда расплылось в улыбке, и он вернулся к работе над рукописью.

Глава 6

В воскресенье консул решил принять Деккеров в саду. День был ясный и теплый, а кроме того, темнело все еще рано – значит у гостей не будет возможности слишком долго засиживаться. Он велел Гарсиа накрыть стол в беседке, подать к чаю сэндвичи, масляные булочки и местные пирожные пан-де-хабон, которые должны потрафить вкусу миссис Деккер.

К назначенному часу консул был в прекрасном расположении духа. Они с Николасом провели вдвоем чудесный день, изучая фолиант андалузских эстампов XVIII века, который он, как истинный ценитель, приобрел в лавочке рядом с консульством всего за несколько песо. Сейчас в беседке, глядя на принаряженного в темно-синий костюм и с накрахмаленным белым воротничком сына, консул вдруг заметил, как окреп мальчик. Уже не бросалась в глаза его хрупкость, а болезненную бледность сменил здоровый загар. Даже узкие плечи, казалось, приобрели более уверенные очертания. Конечно, не стоит торопить события, но Брэнд был весьма удовлетворен тем, что наконец-то появились заметные следы его заботы, которой сын был непрестанно окружен.

Элвин Деккер с супругой прибыли на арендованной машине минута в минуту, и консул любезно предложил им прогуляться по саду. Пропустив вперед Элвина с Николасом, он, чуть отстав, шел за ними с миссис Деккер, тихой молодой женщиной со свежим цветом лица, в очках, но довольно симпатичной, хотя, на его взгляд, заурядной, к тому же скромное платье из коричневого маркизета – он это сразу распознал – она явно сшила сама по бумажным выкройкам. Скорее всего, она родом из маленького городка в Мичигане, выросла в многодетной семье, а с Элвином познакомилась в университете. Она производила впечатление здравомыслящего и добродушного человека, что, впрочем, не помешало консулу сразу же занести ее в разряд «ни то ни се». Однако стремление миссис Деккер угодить было ему приятно. Поэтому он тоже напустил на себя добродушие и, когда они сели за стол в беседке, обратился к ней в своей лучшей манере:

– Не окажете ли нам любезность взять на себя роль хозяйки? У нас тут, как видите, похлостяцки – недостает утонченности женского общества.

Неловкая застенчивость, с которой она в ответ на оказанное ей внимание наливала и передавала чашки, позабавила его. Желая произвести на слушателей впечатление, консул снова заговорил. Он умел, если хотел, быть интересным собеседником и теперь, описывая наиболее светлую сторону своего жизненного опыта, старался предстать в роли ученого джентльмена и благожелательного советчика. Рассказывая забавные истории, он живописал картину своей жизни в Европе, при этом не исключено, что яркость в ней преобладала над точностью.

– Это потрясающе! – выдохнул Элвин, когда консул завершил отчет о коронации короля Альберта, свидетелем которой он был в кафедральном соборе Брюсселя во время своего пребывания в Бельгии. – Мы бы все отдали, чтобы побывать на столь красочной церемонии. Правда, Кэрол?

– Да! – горячо согласилась та, опустив глаза.

– У вас еще все впереди, – любезно предположил Брэнд.

– Мы на это надеемся! Правда, дорогая?

Она не ответила, но в ее устремленном на мужа взгляде было столько нежности, что консул, которому вид счастливых супругов всегда напоминал о неудаче собственного брака, ощутил внезапный приступ боли. Несмотря на небольшой семейный стаж – они были женаты всего полтора года, – Деккеры явно были глубоко привязаны друг к другу. Как могло получиться, что это нервное ничтожество, начинающее заикаться, если заговорить с ним резко, часто ведущее себя по-детски, смогло внушить жене такую любовь, а он, превосходящий его во всех отношениях, не смог удержать единственную женщину, которую любил?

С цинизмом, какого сам от себя не ожидал, Брэнд повернулся к миссис Деккер и самым ласковым голосом сказал:

– Мне до сих пор это не приходило в голову, но Сан-Хорхе, должно быть, очень скучное для женщины место.

В ее серых близоруких глазах промелькнуло удивление.

– Что вы, сэр... Вовсе нет!

Она назвала его «сэр», и это неприятно кольнуло Брэнда, заставив ощутить себя стариком.

– У нее есть дом, требующий ухода, – ласково произнес Деккер. – Должен сказать, она сделала его по-настоящему уютным.

– Уютным? – повторил консул тоном, не поддающимся описанию.

– Да, сэр! Я говорил вам, он маленький, но очень приятный.

– А я все равно не представляю, где на тесных задворках грязного испанского городишки может найтись подходящее общество для молодой пары, – настаивал консул.

Кэрол Деккер первый раз посмотрела ему в глаза. У консула возникло подозрение, что, несмотря на непроницаемо-любезное выражение его лица, она догадалась о скрытом смысле сделанного им замечания.

– Уверяю вас, сэр, у нас много друзей, – поспешила ответить Кэрол. – Может быть, они не слишком выдающиеся, но очень славные... Пекарь, бакалейщик, старый священник, отец Лимаза, изготовитель сигарет этажом ниже... Мы часто катаемся в заливе на парусной лодке с сыном алькальда Мигелем. По вечерам мы иногда ходим в кино – эти старые испанские фильмы ужасно забавны, – а потом ужинаем в «Эль Чантако». Там превосходное охлажденное пиво, обязательно попробуйте! А еще мы организовали небольшой клуб для местных ребят. У нас есть настольный теннис и кегли. Я угощаю их мороженым, а Элвин даже пытается учить их играть в бейсбол. – Раскрасневшись и позабыв об осмотрительности, она воскликнула: – Мы были бы очень рады видеть там Николаса! Он бы подружился с ребятами... Ему же скучно тут одному.

Наступила тишина. Лицо консула окаменело. Послать Николаса к местной шпане, как же! И только священный долг гостеприимства не позволил ему дать волю негодованию.

«По-моему, все прошло как нельзя лучше», – простодушно подумал Элвин. Они с Кэрол немного поговорили с Николасом, а потом он с почтительным видом взглянул на часы:

– Не смеем больше злоупотреблять вашим временем, сэр. Нам пора.

Они собирались встать, когда со двора донесся звук шагов, и Николас, уже некоторое время с ожиданием оглядывавший сад, вдруг утратил озабоченное выражение, которое сохранял на лице почти все это время.

– Смотрите! – воскликнул он. – Вот он! Я знал, что он что-нибудь поймает. – И прежде чем отец смог его остановить, он возбужденно замахал рукой, подзывая Хосе: – Сюда, сюда! Хосе, мы здесь!

Все удивленно замолчали. Консул, нахмурившись, выпрямился.

– В чем дело, Николас? Сейчас же успокойся! – резко произнес он, но было слишком поздно.

Со стороны конного двора, где он остановился, не решаясь двинуться дальше, Хосе, скромно, но с победной улыбкой на лице, направился к ним. В воскресном костюме, с прямо сидящей на голове каталонской шапочкой он нес что-то, завернутое в листья ивы.

Не веря своим глазам, плотно сжав губы, Брэнд смотрел на приближавшегося юношу, так неожиданно возникшего по призыву его сына. Что он делает здесь в воскресенье, в такое время? Консула пробрал озноб. А тут еще Николас подпрыгивает на стуле и кричит в присутствии гостей:

– Ура, Хосе! Вот здорово!

– Успокойся же наконец! – тихо и строго повторил Брэнд.

Хосе уже подошел к беседке. С легким поклоном, как какой-нибудь деревенский матадор, он снял свою нелепую шапку и сунул под мышку. Улыбнувшись Николасу, он устремил серьезный и умиротворяющий взгляд на консула.

– Прошу прощения за беспокойство, сеньор, – начал он. – Я принес вам скромный дар. Цветы были не мои, и я не должен был их срывать, прошу меня простить за это. Но эта рыба моя, сеньор, и я прошу вас ее принять.

Развернув листья ивы, он не без гордости продемонстрировал две отличные форели, толстые, в розовую крапинку, лежащие рядышком на веточках дикой мяты.

Консул оставался неподвижен, зато Николас, подавшись вперед, возбужденно жестикулировал:

– Какая красота, Хосе! И такие большие! Ты поймал их в мельничном пруду или выше, в быстрой воде? Ну рассказывай же!

Хосе, будто только сейчас осознав, что все на него смотрят, покраснел и переступил тяжелыми, бронзовыми от желтой пыли башмаками с темными от пота заломами.

– В быстрой воде, – ответил он Николасу с улыбкой и добавил, будто поясняя остальным: – Я хожу на Арэнго. Это ручей высоко в горах. Видели бы вы, как там красиво – вода как хрусталь! Но поймать форель очень трудно. Я целое утро там просидел и только перед самым уходом поймал их, каждая больше килограмма. – Он обратил потеплевший взгляд на консула и смахнул испарину с верхней губы. – Они совсем свежие, сеньор. Вам понравится.

Харрингтон Брэнд сидел, положив руки на стол, и не шевелился. Он напоминал статую – возможно, статую великого человека – на городской площади. Лицо тоже приобрело мраморную твердость, но под ней кровь, стучавшая в висках, казалось, превратилась в желчь.

– Сожалею, – наконец выдавил он, – я не ем форели. А для моего сына это слишком жирная пища.

– Но это же белая форель, сеньор! Настоящая горная форель... – растерялся Хосе. – Очень вкусная и нежная...

– Спасибо, не надо. Может быть, вы хотите взять? – с ледяной учтивостью обратился консул к своим гостям.

– Нет-нет, – поспешил ответить Элвин Деккер, испытывая неловкость.

– Тогда отнесите рыбу на кухню. – Консул окинул потемневшее лицо Хосе холодным взглядом, но не смог сдержать презрительную усмешку и легкую дрожь в голосе. – Слуги найдут ей применение.

– Папа, нет! – испуганно вскрикнул Николас. – Хосе принес форель для нас!

– Ты на диете. Тебе ее нельзя.

Глаза мальчика наполнились слезами.

– Ну, папа...

– Довольно! – резко оборвал консул. – А теперь, сделай милость, парень, оставь нас.

Последовало короткое молчание. Хосе с усилием выпрямился, словно преодолевая внезапную слабость. Когда он попытался заговорить, у него перехватило дыхание, но, несмотря на это, его простые слова были полны достоинства.

– Прошу прощения, что рассердил вас, сеньор. Я встал сегодня затемно и прошел двенадцать километров, чтобы поймать для вас эту рыбу. – Его смуглое лицо залила бледность, темные глаза вспыхнули. – Мне следовало знать, что она недостаточно для вас хороша. Позвольте мне забрать ее домой. Мы очень бедны, сеньор, семья большая, всех нужно накормить, эта форель будет нам очень кстати.

Он прикрыл рыбу листьями и, церемонно поклонившись, ушел. У Николаса закололо в боку. Крепко сжав кулаки, он заорал:

– Не расстраивайся, Хосе! Съешьте их на ужин. И смотри, чтобы старому Педро тоже досталось!

Когда Хосе скрылся из виду, мальчик встал и, едва слышно попросив его извинить, опрометью бросился в свою комнату.

Только благодаря собственной гордости консулу удалось овладеть ситуацией. Несмотря на бушующие в нем эмоции, он шутливо пожал плечами и спокойно обратился к гостям:

– Современные дети непредсказуемы. – Он удивленно улыбнулся. – Чем глупее слуги, тем сильнее Николас им сочувствует.

Тщательно подбирая фразы, он быстро заставил гостей хохотать над историей о другом тупице-слуге, которого ему пришлось терпеть, – вспыльчивом неаполитанце, служившем прежде корабельным коком и имевшем привычку держать в кладовке попугая. Провожая гостей к машине, консул также не утратил самообладания и ничем не выказал терзавшего его смятения чувств.

Машина отъехала, а он продолжал стоять со сдвинутыми бровями, вперив невидящий взгляд в возносящиеся к небесам голубые горы, омываемые хрустальными водами Аренго и окутанные вечным туманом.

Глава 7

Наутро Брэнд спустился к завтраку рано. Вопреки опасениям провести ночь без сна, спал он на удивление крепко. Гарсиа подал кофе и фрукты, аппетитно уложенные на серебряном блюде, и молча и бесстрастно остался стоять поодаль, демонстрируя готовность услужить. И теперь, учитывая сдержанность дворецкого, его скрытную и отстраненную манеру, столь подходящую для службы в «лучших домах», где ему, без сомнения, доверяли много секретов исключительно для того, чтобы запечатать их этими непроницаемыми губами, консул решил ему довериться:

– Гарсиа, я хочу вас кое о чем спросить.

Дворецкий, непроницаемый и бесстрастный, шагнул вперед.

– Это касается Хосе, нового садовника, – нарочито небрежно, помешивая при этом кофе, сказал Брэнд. – Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, что он разговаривает с моим сыном?

Наступила пауза. Ни тени улыбки не исказило невозмутимые черты Гарсиа, ни один мускул не дрогнул на его бледном лице.

– Когда-нибудь, сеньор Брэнд? Да всегда, все время – вот правильный ответ на ваш вопрос. Они постоянно вместе. Разговаривают, смеются, даже работают вместе.

– Работают?! – Как ни старался Брэнд сохранять спокойствие, у него перехватило горло.

– Ну да. И тяжелую работу тоже. – Голос дворецкого был ровным, но глаза, пристально глядевшие на консула, сузились, как у кошки. – На прошлой неделе мальчик был без рубашки. Я видел в окно. Голый до пояса, он размахивал мачете под палящим солнцем.

– Почему вы мне не сказали? – сдвинув брови, спросил консул.

– Я не доносчик, – безразлично пожал плечами Гарсиа. – Тем не менее мне это не нравится. Ваш сын такой нежный, чувствительный, впечатлительный... А этот Хосе... Да кто он такой?!

В наступившей тишине консул нервно вертел пальцами ложечку. Он не решался продолжать расспросы.

– Спасибо, Гарсиа, – наконец выдавил он. – Вы мне существенно помогли. Полагаюсь на ваше молчание.

В ответ дворецкий поклонился с обычным почтением, но, когда он повернулся к выходу, его прищуренные глаза сверкнули и беззвучный смех исказил его гладкое лицо, превратив в шутовскую маску.

Оставшись один, Харрингтон Брэнд, без обычной для этого времени сигары, нервно барабанил пальцами по столу. Его первым побуждением было немедленно уволить Хосе, чтобы навсегда от него избавиться. Но, поразмыслив, он понял, что столь простое решение не сможет его удовлетворить. Как бы дико это ни выглядело, между ним и этим простолюдином завязалась настоящая, хотя, может, и не явная, борьба за привязанность и расположение Николаса. Прогнав Хосе прочь без надлежащего предлога, не нанесет ли он ущерба своей репутации справедливого хозяина и не сделает ли парня мучеником? Нет, этого нельзя допустить! Рано или поздно такая ситуация может возникнуть снова. И тогда ему снова придется воевать за любовь своего сына и, возможно, против более грозного соперника. Уж лучше он решит этот вопрос сейчас, в удобных для себя условиях. От переполнявшего его тайного желания наказать врага, повергнуть его и сломить его дух сердце Брэнда застучало сильнее.

Отъезжая от дома, он краем глаза наблюдал, как садовник поливает петунии, но не подал вида, что заметил его. Проведя день в беспокойных размышлениях, консул вернулся из офиса на час раньше обычного, надеясь застать Хосе со своим сыном. Но Николас наверху занимался

уроками, а садовник, стоя в высокой траве у колодца, редкими, почти ленивыми ударами точил короткую косу. Харрингтон Брэнд направился прямо к нему:

– Я хочу с тобой поговорить.

– Да, сеньор. – Тон был уважительным, из черных зрачков исчезли искры, сверкавшие в них накануне, но в выражении лица Хосе проступила новая твердость, независимость, своего рода настороженное упорство, которое обострило раздражение консула.

– Я запрещаю тебе разговаривать с Николасом, – медленно произнес он.

Некоторое время Хосе разглядывал свой точильный камень.

– Бог дал мне язык, сеньор. Вы запрещаете мне им пользоваться?

– Да! – резко ответил консул. – С моим сыном – запрещаю! И ни при каких обстоятельствах не смей нагружать его работой! Ты заставлял его копать, мотыжить и подстригать кусты.

– Я всего лишь пытался сделать его сильным, – ответил Хосе, – чтобы он не лежал целыми днями, как больная девчонка.

– Как ты смеешь!

– Он теперь намного крепче, чем был, – упрямо продолжал Хосе. – Сами посмотрите, какой он загорелый, как здорово выглядит. Ему нравится обрезать папоротник легким серпом, который я ему сделал, нравится вместе со мной работать на свежем воздухе...

Вспышка ярости сотрясла Брэнда, ему потребовалось огромное усилие, чтобы ее подавить.

– Или ты дашь мне слово, или немедленно покинешь мой дом, – жестко сказал он.

Последовала долгая пауза. Хосе взглянул на консула, потом отвел глаза и с застывшим лицом пробормотал:

– Обещаю.

Волна энергии захлестнула консула, усиливая желание закрепить свое преимущество и преподать этому юному выскочке урок, который тот не скоро забудет. Видя, что Хосе с угрюмым видом собирается вернуться к косьбе, Брэнд так резко, что парень поморщился, крикнул:

– Подожди! Я не закончил. Вид сада оставляет желать лучшего. Я недоволен. Вот здесь, к примеру, – он указал на круглый участок земли под катальпой, еще не обработанный, – очень голо и неприглядно. Я решил устроить тут рокарий².

– Рокарий? – недоуменно переспросил Хосе.

– Да. Вон там под обрывом много камней. Перетащи их сюда, и у тебя будет достаточно материала для работы.

Хосе посмотрел туда, куда указывал консул:

– Это очень тяжелые камни, сеньор.

– Ты боишься тяжелой работы? – презрительно усмехнулся консул.

– Надеюсь, я уже доказал вам, сеньор, что не боюсь. – Хосе говорил ровным голосом, будто терпеливо объяснял что-то ребенку. – Но для такой работы нужны несколько человек, железные цепи и кран.

– Чепуха! Одному крепкому мужчине это вполне под силу.

– Вот вы крепкий мужчина, сеньор, – все так же спокойно ответил Хосе. – Вы смогли бы перетащить эти валуны?

– Не зарывайся!

Закусив белыми зубами полную губу, Хосе смотрел туда, где на обширном пространстве были разбросаны камни. Большие, грубые, с острыми краями, рассеченные прожилками кварца; некоторые глыбы глубоко сидели в цепкой кремнистой земле, которую к тому же пронизывали корни нескольких старых спиленных эвкалиптов. Поднятие и перетаскивание таких громадин может самые упругие мускулы сделать непригодными для многих удовольствий в

² Рокарий – сад из камней с низкорослыми растениями. – Здесь и далее примеч. перев.

жизни, а для пелоты в особенности. Даже сама мысль об этом заставила Хосе почувствовать себя разбитым и несчастным. Но когда он подумал о своей семье – о матери, целыми днями на коленях стирающей в городской прачечной, о пяти сестренках, чьи рты всегда раскрыты, как клювики голодных птенцов, не говоря уж о старом Педро, которому не суждено заработать больше ни одного сентимо, – то понял, что обязан любой ценой держаться за эту работу. И еще Николас, которого он так любит... Хосе поднял голову и серьезно, с достоинством произнес:

– Хорошо, сеньор. Я это сделаю.

– Не сомневаюсь, – с едкой усмешкой сказал Брэнд. – Ты сделаешь это как следует. И я даже знаю почему.

Он повернулся и направился в дом. Поджидавший в дверях Гарсиа, принимая шляпу и трость, удостоился приветливого кивка. Вечером после молитвы он поговорит с сыном.

На следующее утро Хосе принялся за сооружение рокария. В его распоряжении были только самые примитивные инструменты: мотыга, два легких лома и тачка с выдавшей виды осью. В большинстве случаев требовалось обкопать валун со всех сторон, выковырять его двумя ломами, поднять или затащить в наклоненную тачку и пройти с этим грузом более пятидесяти ярдов по бугристому бездорожью к назначенному месту. Часто камень, с таким трудом извлеченный из своего ложа, в последний момент соскальзывал и еще глубже зарывался в землю. Или уже в пути он, как пьяный, сваливался с тачки, и приходилось втаскивать этот тяжеленный груз обратно, не имея под рукой никакого подходящего рычага.

Это был адский труд. Наступило лето. И хотя с утра было еще довольно прохладно, в прозрачном небе быстро разгоралось солнце, и над садом начинали колыхаться волны жары, напоминающие мираж. Ладони Хосе покрылись волдырями, из-под обломанных ногтей выступала кровь, засыхая на коже грязными пятнами, все его юное тело было покрыто потом. Чтобы защитить глаза от пота, он разорвал красный носовой платок и получившейся полосой ткани обвязал голову. О, какое облегчение, какое блаженство испытывал он в тот благословенный миг, когда оранжевый шар наконец-то скрывался за краем моря!

Нет, он не может, просто не может отступить! Похоже было, что осознание жестокой несправедливости закалило его дух, и он день за днем продолжал трудиться с неослабевающим упорством и стойкостью.

Расположившись в беседке с учебниками, связанный обетом молчания, Николас не сводил с друга глаз, ощущая при этом пульсирующую боль в груди. Однажды, когда камень свалился Хосе на ногу, у мальчика чуть сердце не выпрыгнуло. А хуже всего было то, что Хосе даже не смотрел в его сторону, не улыбался ему; он проходил мимо него туда и обратно с неизменным выражением на измученном лице.

Николас не мог больше этого вынести. Он не смел усомниться в правильности отцовского запрета, цель которого была выше его разума. Он любил отца – в этом не было ни малейшего сомнения. Но и Хосе он тоже любил, хотя и по-другому. Почему, ну почему на них наложен этот ужасный запрет разговаривать?

И вдруг, когда он почувствовал, что больше не выдержит, у Николаса возникло мгновенное озарение, яркое, как вспышка света. И как он раньше до такого не додумался?! Он мог прервать вынужденное разобщение с Хосе, и для этого вовсе не требовалось нарушать запрет отца. Николас обессиленно откинулся на спину, а потом дрожащими пальцами быстро схватил со столика лист бумаги, взял карандаш и торопливо написал:

Привет, Хосе!

Я дал слово не разговаривать с тобой, но не обещал не писать. Поэтому я могу послать тебе записку. Не думаю, что поступаю плохо. Я должен это сделать, потому что очень по тебе скучаю и почти не сплю по ночам, думая о тебе.

Хосе, ты слишком тяжело работаешь, постарайся поменьше надрываться. Если бы я мог тебе помочь! Помнишь, ты говорил, что я тебе хорошо помог, когда мы сажали и подстригали тамариск. Это было так здорово!

Если у тебя болит спина, попроси Марию растереть тебя гусиным салом, как ты рассказывал. Хотя я и не могу работать, но продолжаю делать упражнения, которым ты меня научил, и теперь я сильнее, чем раньше. Может быть, когда-нибудь я тоже буду играть в пелоту, как ты думаешь? Напиши мне.

Р. S. Старому Педро и пяти мальчикам понравилась форель?

Р. Р. S. Надеюсь, ты тоже по мне скучаешь.

Закончив письмо, Николас много раз сложил листок в плотный маленький кубик. Оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что за ним не следят из окон виллы, он дождался, когда Хосе медленно катил мимо него тачку, и резким движением метнул записку. Это был отличный бросок. Записка упала между двумя камнями и надежно там спряталась.

Если Хосе и удивился, то виду не подал, продолжая свой трудный путь к сваленным камням. Может, он ничего и не заметил или, хуже того, решил не обращать внимания. Сердце мальчика замерло, но тут же радостно забилося снова, когда он увидел, как Хосе, прежде чем сбросить камни на землю, спокойно вынул бумажку и зажал ее в кулаке, а затем направился к сараю. Он заглядывал в сарай после каждой ходки, чтобы напиться из оплетенного ивовыми прутьями каменного кувшина, который хранился там в прохладной темноте. Но в этот раз он не выходил дольше обычного, а когда появился, Николас вздрогнул, увидев желтый огрызок карандаша, блестящий за ухом Хосе, как крокус.

Хосе возвращался не спеша, сохраняя на лице все то же застывшее выражение. Мальчика пробрал холодок сомнения. Но, поравнявшись с ним, садовник улыбнулся знакомой мягкой улыбкой, которая озарила его покрытое потом лицо и согрела Николаса своим теплом. В ту же минуту быстрым, почти неуловимым движением тренированного запястья он бросил на колени Николасу бумажку и сразу же скрылся за миртовой изгородью.

Николас радостно перевел дыхание и некоторое время лежал, наслаждаясь этой доброй улыбкой, которая вновь восстановила утраченную, как он боялся, дружбу, а затем взял с пледа, укрывавшего его колени, бумажку и медленно ее развернул. На ней толстым карандашом, округлым неровным почерком было написано:

Амиго мио!

У тебя в голове больше ума, чем у Хосе! Я бы до такого не додумался. Пиши еще – от этого никому обиды не будет. Работа ерунда! Ты же знаешь, что я силен, как андалузский осел, а они самые сильные. И потом, я смогу хорошо отдохнуть на рыбалке в воскресенье. Вот если бы ты пошел со мной на Аренго! Мои сестры, слава Богу, здоровы, а старый Педро съел много форели. Ты и вправду скучаешь по мне, мальши? Это придает мне силы.
Хосе.

Николас крепко зажмурился, будто пытаясь удержать перед глазами эти чудесные слова. Хосе его не забыл! От счастья все существо мальчика словно озарило золотым сиянием. Он вдруг громко рассмеялся, сел прямо и схватил карандаш.

Как же ты можешь быть андалузским ослом, если ты лучший игрок в пелоту в Сан-Хорхе? И еще – ты мой лучший друг. У меня никогда раньше не было друга, так что это не слишком большая похвала. Ха-ха! Почему ты не смажешь эту старую тачку? Она ужасно скрипит. Мне-то ничего, для меня

это лучше всякой музыки, потому что я знаю, что ты рядом. Смеюсь и не могу остановиться. Я так счастлив.

Николас.

Записка отправилась в тачку, а через пару минут прилетела обратно на плед.

Пусть тачка скрипит – так каждый будет знать, что ленивый садовник работает. Но если ты любишь музыку, я как-нибудь сыграю тебе на кларнете. От каталонских мелодий ты будешь прыгать и плясать. Та-ра, та-ра, те-да, бум, бум. Для этого нам вовсе не нужно разговаривать. А еще мы можем молча играть в мяч. Видишь, я не так уж глуп.

Осел Хосе.

А в ответ:

Если ты осел, мне придется быть оводом. Тогда я смогу летать за тобой, и никто меня не увидит. И подпрыгивать высоко-высоко! Но предупреждаю: если не станешь со мной дружить, я тебя укушу!

Овод Нико.

Когда Хосе снова прошел мимо, он не улыбался, и, развернув записку, Николас прочитал:

Умоляю, будь осторожен. В патио Гарсиа. Он ничего не видел, но лучше нам сегодня больше не переписываться. Я думаю о тебе, Хосе.

Николас застыл на месте, как одно из тех нежных морских растений, которые при первом же признаке опасности прекращают шевелить отростками, перед тем как отдернуть их. С большой осторожностью он спрятал записку под рубашкой. Правильнее было бы – он читал об этом в книгах – прожевать и проглотить ее. Но листок был слишком велик, и Николаса могло стошнить. А кроме того, он очень хотел сохранить записку. Лежа с полуопущенными веками, он с удовольствием ощущал прикосновение к коже жестковатого края бумаги, шевелящейся от его дыхания и спокойных ударов сердца.

Глава 8

Глядя, как заметно осунувшийся Хосе безмолвно движется туда и обратно, выполняя назначенное им задание, консул даже присвистнул от удовольствия. Жаль, конечно, что рокарий почти готов. Едко усмехнувшись, он тут же рассудил, что пора подумать о новых серьезных преобразованиях в саду, рассчитанных на напряжение мышц и активную подвижность конечностей. Он не успокоится, пока не смирит этот заносчивый, бунтарский дух.

По мере того как усиливалась его враждебность к каталонскому юнцу, Брэнд ощущал прилив глубокого внутреннего удовлетворения. Давненько он не чувствовал себя так хорошо: он был в отличной физической и умственной форме, короче говоря – жизнь в нем бурлила. Ему нравилась теплая ясная погода, он как нельзя лучше адаптировался к этому пылающему весеннему солнцу. В офисе – вовсе не того уровня, которого Брэнд достоин, – тем не менее все наконец-то шло гладко; рукопись о Мальбранше находилась в завершающей стадии редактирования.

Но самую большую радость доставляло Брэнду послушание сына. После нескольких дней капризной утрюмости тот перестал дуться и снова стал любящим и послушным ребенком. В последнее время Николас действительно заметно повеселел: он громко смеялся, что хотя и вынуждало отца грозить ему пальцем, тем не менее служило доказательством того, что досадный инцидент больше его не тревожит.

До чего же приятно было чувствовать кипение жизни! Консула переполняло ощущение собственного превосходства и могущества – он будто помолодел! Будущее снова казалось ему прекрасным, это волновало кровь и заставляло расширяться его узкие ноздри. Неужели вечно хмурая фортуна наконец-то ему улыбнется?

В пятницу около пяти часов дня, в теплом сиянии заходящего солнца, он бодрым шагом направился в сторону консульства. День был выходной, по крайней мере, так считалось до его появления в Сан-Хорхе. Но он положил конец этой свободной, располагающей к лени традиции, потребовав, чтобы в офисе всегда присутствовал один сотрудник. Сегодня Деккера пришлось отпустить, так как Элвин собирался на пикник в Уэску вместе с женой и детьми алькальда – этого панибратства консул, кстати сказать, не одобрял, – и на дежурстве надлежало быть старшему клерку Фернандо.

В этом-то и намеревался убедиться Брэнд, выбрав для посещения консульства такое время. Заодно он собирался просмотреть ежедневную вечернюю почту из Барселоны, которую никому, кроме него, не позволено было трогать. Столь поздняя доставка причиняла большие неудобства, но он уже предъявил претензии почтовому ведомству и надеялся, что проблема будет решена к его удовольствию.

Впрочем, сегодня консул не расположен был жаловаться. Напевая себе под нос, он вошел в офис и с удовлетворением увидел за столом Фернандо.

– Ну как идут дела, Фернандо?! – воскликнул он с необычным радушием.

Клевавший носом клерк поспешно выпрямился.

– Ничего нового, сеньор. А утро сегодня выдалось славное! Такая жалость... – решил он на робкий протест. – С тем же успехом можно было загорать на пляже.

– Зато вы с честью исполнили свой долг, Фернандо, – сказал Брэнд с легкой укоризной. – Почту принесли?

– Да, сеньор. Она в ящике... Посыльный сказал, там письмо с сургучной печатью, из Мадрида... Я его не трогал!

– Правильно сделали, – кивнул Брэнд. – Если хотите, можете идти.

Он посторонился, пропуская Фернандо, а тот вскочил, схватил свою шляпу и с быстрым поклоном выбежал из комнаты, как школьник, которого оставили после уроков и наконец-то

отпустили. Покачав головой, консул подошел к почтовому ящику и отпер секретный замок ключом, висящим на цепочке часов. В ящике, запечатанное красным сургучом, лежало письмо из Мадрида.

Дрожь в крупных холеных пальцах была необъяснимой и словно что-то предвещала. Перемена ли его настроения была тому причиной, но Брэнд вдруг ощутил, что держит в руке жизненно важную весть. Он быстро распечатал конверт. И действительно – его ждала новость первостепенной важности.

Письмо пришло от Лейтона Бейли, генерального консула в Мадриде. В нем коротко сообщалось, что Джордж Тенни серьезно болен, у него был эпилептический припадок, что хотя и не смертельно, но не позволит ему продолжать службу. От Брэнда требовалось срочно явиться в посольство.

Консул застыл на месте, грудь его вздымалась, крупное тело, оставаясь внешне неподвижным, пульсировало. Он внимательно перечитал письмо. Это могло означать только одно: он займет место Тенни. Вот оно, так долго откладываемое повышение.

Огромным усилием Харрингтон Брэнд удержался, чтобы не закричать от радости. Его чувство собственного достоинства этого не допускало. Наконец-то, наконец-то его оценили! Он глубоко вдохнул, откинул голову, глаза заблестели – счастье охватило его.

Овладев собой, он собрался с мыслями и, выйдя в холл, стал взволнованно водить пальцем по расписанию поездов, висящему на стене рядом с телефоном. Как он и ожидал, железная дорога работала отвратительно. Но если Гарсиа отвезет его в Барселону после обеда, он сможет доехать ночным поездом до Сарагосы, пересест на пригородный до Алагона, а там, после часового ожидания, сесть на Центральный Кастильский экспресс, который прибудет в Мадрид около полудня в субботу. Поездка предстояла ужасная, но, учитывая оказанную ему честь, Брэнд хотел во что бы то ни стало поразить Бейли своей оперативностью и пунктуальностью.

Приподнятое настроение не помешало ему, как человеку методичному, обдумать связанные с поездкой проблемы. Его, возможно, не будет дома больше трех дней. Как здорово иметь на хозяйстве такую надежную пару, как Магдалина и превосходный Гарсиа, – о Николасе будет кому позаботиться. Естественно, он рассчитывал и на Деккера как на официальный резерв. Он позвонит Элвину – это можно сделать из виллы – и попросит Деккеров присмотреть за мальчиком.

При мысли о Николасе глаза консула влажно заблестели. Какое счастье, что он может принести дорогому сыну эту новость, отметить, какой большой шаг вверх им предстоит, подробно описать удовольствия и преимущества, которые сулит жизнь в испанской столице, рассказать, как прекрасно они будут устроены, какие общественные и интеллектуальные возможности откроются перед ними, он пообещает сыну посетить музей Прадо, королевский дворец, павильоны парка Буэн-Ретиро... Но главное счастье – это восторг, который окрасит любящий детский взгляд!

Консул не мог больше сдерживаться. Его вдруг неудержимо потянуло к своему мальчику. Он спрятал письмо в бумажник, запер офис и выбежал на улицу.

Глава 9

В десять часов вечера, лежа в постели, Николас услышал шум отъезжающей машины и испуганно зарылся под одеяло. Лучи фар метнулись по потолку, подобно усикам гигантского насекомого, и исчезли. Комната погрузилась в крошечную темноту, и в наступившей тишине мальчик услышал биение собственного сердца. Он так редко разлучался с отцом, что даже кратковременные отлучки консула вгоняли его в тоску и уныние. Но в этот раз к его обычному беспокойству примешивался еще один страх, в котором он не мог бы признаться даже себе, — он остается без всякой поддержки, один на один с Гарсиа.

Николас долго не мог заснуть, но не метался по постели, как бывало с ним во время болезни, а лежал тихо, неподвижно, вперив взор в темноту, и слушал, слушал, когда же подъедет машина и вернется дворецкий. Скрип сухой доски, похожий на вздох облегчения после знойного дня; робкий мышинный топоток за деревянной панелью старого испанского дома, прерывистое постукивание ветки мимозы по окну — все эти тихие ночные звуки всегда успокаивали его, но сейчас ему было не до них. Часы в холле пробили полночь. А вдруг Гарсиа заглушил мотор и неслышно подкатил к конюшне? Может, он уже здесь, в доме, и в любой момент на лестнице раздастся звук его мягких крадущихся шагов. Николас поежился от инстинктивного недоверия к дворецкому, которое не поддавалось ни объяснению, ни контролю.

Должно быть, он все же уснул, потому что проснулся при свете нового дня. На прикроватном столике стоял поднос, и Магдалина открывала ставни, весело приговаривая:

— А я тебе завтрак принесла, подкрепись немного.

Теперь он гораздо лучше понимал ее и, улыбаясь ей в ответ, сел в кровати. Магдалина ему нравилась, несмотря на угрюмость, периодически овладевавшую ею после перебранок в кухне, из-за которых ее выпуклый лоб обиженно собирался в складки.

— Папа успел на поезд? — спросил Николас, отпивая апельсиновый сок.

— Да-да, — кивнула она. — Я уверена.

— Я не слышал, как подъехала машина.

Она наклонилась, поднимая с пола что-то невидимое, и заговорила обычным тоном, но при этом искоса взглянула на него, как бы оценивая реакцию на свои слова:

— Гарсиа не возвращался. Было уже слишком поздно. Я думаю, он задержится в Барселоне до конца выходных. У него там друзья. Нужно уладить какое-то дело.

Николас недоверчиво смотрел на нее широко раскрытыми глазами, чувствуя облегчение и невыразимую радость.

— Это правда?..

Все так же пристально глядя на него, Магдалина кивнула:

— Не нужно ничего говорить. Мы с тобой и сами не пропадем, верно?

— Да, да! — воскликнул он, не узнавая собственного голоса.

— Что тебе приготовить на ланч?

— Да что угодно, Магдалина! Ты такая славная...

— Я приготовлю тебе что-нибудь особенное. — Она удовлетворенно кивнула, отчего ее серьги заплескались.

С широкой, но печальной улыбкой Магдалина поправила ему одеяло и вышла из комнаты.

Оставшись один, Николас потянулся, застонав от удовольствия, и стал кататься по широкой кровати, радуясь неожиданному счастью и предвкушая чудесные часы в обществе Хосе без всякого присмотра...

— И завтра тоже! — крикнул он лохматой собачке. — А может, еще и в понедельник!

Вскочив с кровати, он принялся одеваться, на ходу доедая завтрак и то и дело поглядывая в окно на заросли мирта, где Хосе уже приступил к работе. С заслуживающей похвалы сдержанностью Николас сел за свой письменный стол и набросал пару строк:

Привет, Хосе!

Отец уехал в Мадрид дня на три. Гарсиа тоже нет дома. Правда здорово? Я не нарушу обещания: ни разговаривать, ни работать не буду. Но я собираюсь провести с тобой весь день.

Ура!

Твой Нико.

Минуту спустя он, запыхавшись, протягивал записку Хосе и улыбался, глядя на ответную радостную пантомиму друга.

Они были вместе целое утро. Большая часть камней уже была уложена, и заполнять грунтом расщелины этого основания было не слишком тяжело. Когда Хосе катил тачку, Николас бежал за ним следом. Пока садовник разбрасывал лопатой мягкую землю, мальчик сидел на камне и, подперев руками подбородок, смотрел на него в ожидании неизменной теплой улыбки. Иногда Хосе заставлял его громко хохотать, энергично, но безмолвно шевеля губами, после чего надувал щеки и имитировал громкий взрыв.

День разгорался, и лицо Хосе постепенно приобрело озабоченное выражение, словно он думал о чем-то важном и таинственном. Наконец он отложил лопату, сел и, вытащив огрызок карандаша, написал чудесные слова, которые Николас прочитал, жадно заглядывая ему через плечо:

Пойдешь со мной завтра на рыбалку?

Я договорюсь с Магдалиной.

Мальчик от восторга чуть не задохнулся, а Хосе встал и направился сквозь кусты лавра к задней двери. Николас слышал громкий разговор Магдалины и садовника, потом раздался смех, и голоса зазвучали более спокойно и дружелюбно. До чего же хорошо Хосе умеет ладить с людьми! Все его любят, думал Николас, кроме Гарсиа и папы, к сожалению. И конечно же, он был любимцем Магдалины, которого она за опорожнение мусорного бака – что, в общем-то, входило в обязанности Гарсиа – награждала куском пирога, когда никто не видел. Но сможет ли он уговорить ее сейчас? Николас прислушался. Дверь закрылась, Хосе не торопясь возвращался... Николасу достаточно было взглянуть на лицо друга, чтобы понять: да, все в порядке!

Какая радость! Какой неизъяснимо счастливый солнечный день, предвещающий еще лучшее завтра! О, эта счастливая и незыблемая послеполуденная дрема! Солнце заставило краски сада заиграть по-новому, пропитав их своим светом и ароматом. Валериана, пионы и сирень сверкали даже в тени. Рой пчел жужжал вокруг раструбов сладких пурпурных цветков, свисающих с веток старой катальпы. Горы в прозрачной дали сверкали, как вороненая сталь. Душа ребенка была наполнена чувством, смысла которого он не мог постичь, но страстно желал раствориться в его теплом сиянии.

В восемь часов утра горсть гравия стукнула в ставень. Почти не сомкнувший глаз, мальчик вскочил с постели, накинул одежду, приготовленную на стуле, и вприпрыжку сбежал по лестнице. В полутемном холле под белой салфеткой его ждала корзина, упакованная Магдалиной накануне. Подхватив корзину, он открыл тяжелые засовы, выбежал в распахнутую дверь и, ослепленный ярким солнцем, чуть не упал в объятия друга.

В руках у Хосе были две бамбуковые удочки, на плече самодельный рюкзак, одет он был в большие садовые сапоги и старое парусиновое пончо. Когда они вместе направились по аллее, ведущей к шоссе, Хосе подмигнул Николасу, намекая: надо спешить. Действительно,

едва дойдя до угла, они слышали дребезжание старой развалюхи и сразу же увидели местный автобус Торриды.

Хосе поднял руку, и автобус резко затормозил. Несмотря на давку, им освободили место в задней части салона, куда они протиснулись под хохот пассажиров. В этом воскресном автобусе собралась веселая компания. Многие ехали навестить родственников на небольших фермах в горах – рабочие в плоских шляпах и жестких черных куртках-болеро, их жены в бесчисленных юбках и с цветными платками на головах; у ног громоздилось множество пакетов, завернутые в розовую бумагу бутылки мансанильи, корзины с яйцами, спелыми абрикосами и гранатами, со свежеприготовленной кесадильей. Другие пассажиры, подобно Хосе, везли удочки и сумки для рыбы. У некоторых были маленькие клетки для ловли сверчков. У жадно евшего колбасу длинного худого парня, смахивающего на клоуна своей клетчатой накидкой с капюшоном, было ружье с огромным стволом. Старик с бурдюком вина уже приступил к фиесте.

Хосе моментально узнали, бурно приветствовали, и вокруг него сразу же завязался оживленный разговор. Обсуждали шансы на победу в следующем матче пелоты. Кто-то предположил, что ветерана Хайме пора заменить, но Хосе стоял за напарника горой. По кругу был пущен бурдюк. Каждый из мужчин поднимал его и, запрокинув голову, быстро и ловко направлял тонкую красную струю прямо себе в глотку. После этого веселье усилилось, посыпались шутки, особенно в сторону парня с длинным ружьем, у которого к тому же был длинный нос. Но насмешки были добродушными, и мальчик, которого никогда раньше не пускали в общество «простого народа», подумал, как сильно это все отличается от того, что он себе представлял, какие они веселые и свободные. При этом Николаса не покидала мысль, как изменилось бы все, будь здесь его отец, как остудил бы консул дружескую теплоту своим важным, чопорным видом.

К этому времени равнинные виноградники и тихие рощи со стройными рядами оливковых деревьев остались позади, и дорога повела их по буйно заросшим предгорьям Торриды. На первой скорости автобус не спеша взбирался по крутому склону, обгонял медленно бредущих ослов, позвякивающих бубенчиками, огибал холмы, расцвеченные желтым дроком. Время от времени он останавливался у постоянного двора или маленькой фермы, выпуская пассажиров, что было, по мнению Николаса, большой удачей, так как давало возможность старой машине перевести дух. Сидя на краешке сиденья, мальчик был захвачен видом реки, показавшейся в просвете между седыми буками и пробковыми дубами. Автобус поднимался все выше и выше в горы, и Николас то и дело озабоченно поглядывал на полдюжины оставшихся пассажиров – все без исключения рыболовы, – прикидывая, хватит ли всем места на берегу. Поняв его взгляд, Хосе покачал головой, мол, не о чем беспокоиться. И действительно, на следующей остановке у деревенского трактира все, кроме них, вышли, сердечно простившись и пожелав им удачи.

Когда автобус тронулся, Хосе посмотрел Николасу в глаза, и тот испуганно почувствовал, что он собирается нарушить разделяющий их обет молчания.

– Нико... – Мальчик отпрянул, и Хосе ободряюще ему кивнул. – Да... Я говорю с тобой. Было бы ребячеством и дальше молчать. К тому же и небезопасно. Мы едем к реке. Я должен подсказывать тебе, как себя вести. – Он улыбнулся. – Не хотелось бы, чтобы ты свалился в воду. За это твой отец спросит с меня сильнее, чем за разговоры. Но ты... Тебе не нужно разговаривать.

Николас уставился на друга, широко раскрыв глаза. Острое чувство признательности охватило его, и он с жаром произнес:

– Я буду говорить, Хосе! Я тоже буду с тобой разговаривать!

– Вот и хорошо! – обрадовался Хосе. – Будем мужчинами, а не мальчишками. Так-то оно лучше. Поднимайся, нам пора выходить.

Он взял удочки и рюкзак и, пройдя вместе с Николасом вперед, постучал по надтреснутому стеклу перегородки. Когда автобус остановился, Хосе выпрыгнул и, подхватив рукой

друга, поставил его на землю. Они помахали водителю, высунувшемуся из деревянной кабины пожелать им удачи. Автобус отъехал, а они свернули с пыльной дороги на луг, поросший бледным молодым папоротником.

Несмотря на яркое солнце, воздух, пахнувший тимьяном и смолой, был прохладен и свеж. Перед ними возвышались пики гор, которые с самого начала подъема, казалось, манили к себе, но теперь – ясные и отчетливые, с серебряными нитями водопадов, с обласканными солнцем серыми боками и впалыми щеками – они отодвигались по мере приближения к ним, ничего и никого не подпуская к себе, кроме сосен, уединившихся на покое высоко-высоко среди голых валунов.

Свет был ослепительно чист. Оглядевшись, Николас увидел на горном хребте слева четкий рельеф деревушки, ниже – квадратики полей и виноградников, а дальше – далеко внизу – в дымке виднелось море, так далеко, что он почувствовал себя на вершине мира.

Продравшись сквозь переплетения папоротника, щекочущего его голые коленки, Николас полной грудью вдохнул восхитительную свежесть.

– Какой чудесный день, Хосе!

– Да, только боюсь, слишком светло для рыбалки. Ну там видно будет.

Они спускались по лесистому склону среди высоких раскидистых буков, росших в стороне от неровного луга, на котором паслись козы, никак не реагирующие на их появление. Лес вдруг закончился, прямо у их ног расстилалась зеленая долина, где у старой каменной мельницы бурлила и пенилась река, разливаясь за плотиной в широкую запруду.

– Это здесь. – В небрежном тоне Хосе сквозила затаенная гордость.

– Какая красота! – воскликнул Николас. – Почему же остальные сюда не пошли?

– Слишком далеко от трактира, – засмеялся Хосе. – Им хочется пить, а не только рыбачить.

Радостно ускорив шаг, он стал спускаться по тропинке, ведущей к мельнице. Николас вприпрыжку бежал рядом. В долине было теплее, травянистый склон пестрел дикими синими ирисами и масляно-желтой медуницей. Николас увидел, что мельница разрушена, над несколькими толстыми балками нет крыши, а неподвижное колесо покрылось мхом, но это только усилило чудесное ощущение окутавшего долину покоя.

Хосе разложил снасти на каменных ступенях мельницы, ведущих к реке, и стал натягивать тонкую веревку на удище. Это были самые простые удочки с деревянными катушками, но Хосе обращался с ними очень бережно, хотя его пальцы подрагивали от нетерпения, когда он привязывал наживку на длинную жилу.

– Ты любишь рыбачить? – спросил Николас.

– Очень люблю, амиго, – радостно кивнул Хосе. – А ты?

– И я тоже, – ответил Николас. – Только я никогда не пробовал...

– Сейчас попробуешь, – улыбнулся Хосе. – Послушай, Нико, дружище, ты пока недостаточно большой, чтобы забросить муху, поэтому будешь ловить на приманку... Сейчас я покажу тебе, от чего форель без ума.

Он вынул из рюкзака круглую жестянку, снял крышку, вытряхнул на ладонь жирную личинку и бережно насадил ее на крючок. Затем, держа Николаса за руку, он вывел его на каменную дамбу, помог удобно сесть, свесив ноги, закинул леску с наживкой в запруду и дал удочку мальчику.

– Вот, – сказал Хосе. – Почувствуешь, что клюет, – тащи!

– А ты не уйдешь далеко?

– Нет, нет, амиго! – Он указал на перекачивающуюся через плотину воду. – Я буду вон там.

Поначалу Николас сидел напряженно, крепко сжимая удочку обеими руками, от игры воды и света на плотине кружилась голова, и он побаивался свалиться в реку. Постепенно он

стал чувствовать себя увереннее. До чего же приятно, когда с тобой обращаются как с мальчиком, обыкновенным мальчиком, а не как с заморышем! Стараясь не потерять равновесия, он осторожно повернулся и посмотрел туда, где, стоя по колено в пенящемся потоке, Хосе забрасывал свою длинную удочку и леска изящно извивалась, взлетая и падая в прозрачном воздухе. Николасу даже показалось, что он видел, как высоко над стремниной выпрыгнула форель, но не был уверен. Сквозь трещины теплой бетонной стены, на которой он сидел, пробивались ростки папоротника, старые камни покрывала корка серого лишайника.

Вдруг Николас вздрогнул. Он не почувствовал, как рыба клюнула, но его удочка внезапно ожила, завибрировала, изогнувшись подвижной дугой, и он ощутил бешеное движение чего-то тяжелого там, под поверхностью воды.

– Попалась, – прошептал он побелевшими губами.

В панике он повернулся туда, где спиной к нему на расстоянии ста ярдов стоял Хосе, отделенный от него ревущим потоком. Звать на помощь бесполезно. Он должен справиться сам. Николас отчаянно вцепился в удилище, громоздкая деревянная катушка, жужжа, била его в грудь. Форель бешено металась, то бросаясь в пенящийся поток, то резко опускаясь к песчаному дну, и могла сорваться в любой момент. Вдруг она полностью взлетела над водой и тут же шлепнулась обратно, а у мальчика чуть сердце не выпрыгнуло.

– Какая красота! – выдохнул он. – Господи, не дай ей уйти!

Медленно, медленно начал он сматывать катушку. Форель устала. Николас видел трепещущие изгибы ее толстого пятнистого тела под самой поверхностью воды. Дрожа от волнения, он поднялся и начал пятиться по плотине к берегу, который чуть ниже по течению плавно спускался в воду. Продолжая сматывать катушку, Николас подтащил форель к отмели и судорожным рывком выдернул ее на прибрежную гальку.

У него получилось! Он сам поймал эту чудесную форель! Первым побуждением было стремглав броситься к Хосе с этой потрясающей новостью. Но обретенное умение владеть собой удержало. Взяв себя в руки, он опустился на колени, снял форель с крючка и, оглушив сильным ударом по голове, уложил между папоротниками в тени мельничной лестницы. Минуту спустя он уже снова был на плотине и, держа в руках удочку с новой наживкой на крючке, с горящими глазами ждал следующую добычу.

Когда через час вернулся Хосе, рядом с первой рыбиной Николаса были аккуратно уложены еще две, хотя и не такие большие, но тоже вполне приличные.

– Есть что-нибудь? – спросил Хосе.

И тут сдержанность покинула мальчика. Смотав удочку, он бросился на берег и, схватив Хосе за руку, потащил его к своему улову:

– Смотри, Хосе, смотри! Правда красиво? Сначала я поймал самую большую. Это было потрясающе! Я чуть не умер от страха. Но я вытащил ее! Потом вынул крючок и сделал все, что нужно. Мне никогда еще не было так весело! Ой, извини! Я совсем забыл... Ты поймал что-нибудь?

Оказалось, что у Хосе в рюкзаке лежат четыре рыбины, но он не стал ими хвастаться. Он так радовался успеху Николаса! Брюки Хосе промокли, пот заливал его лицо.

– Пора поесть, – улыбнулся он. – Ты ведь тоже проголодался?

Он сел на ступеньку, вынул из рюкзака хлеб из муки грубого помола, треугольный кусок сыра, завернутый в газету, и луковицу, затем щелчком раскрыл складной нож и быстро перекрылся. Николас, вспомнив, что он сегодня не завтракал, вдруг почувствовал, что умирает от голода. Он сел рядом с Хосе и раскрыл корзинку, немного стесняясь безупречной белизны салфетки и приготовленной для него Магдалиной еды: крутых яиц и холодной курицы, булочек с маслом, фруктов, меда в сотах, – но и радуясь тоже, что сможет угостить своего дорогого друга.

Хосе сначала отказывался прикасаться к этим деликатесам, но, увидев огорчение Николаса, смущенно улыбнулся и уступил, предложив разделить трапезу. До чего же приятно было есть вот так – под теплым солнцем, близко к земле, под шум реки! Черный хлеб и лук оказались гораздо вкуснее, чем Николас ожидал, а по тому, как белые зубы Хосе отполировали косточки, он понял, что курица пришлась ему по вкусу. Мальчик то и дело поглядывал на форель, лежащую в тени папоротника. Они говорили о рыбалке, и Хосе объяснял, где бывает форель в разные времена года – иногда в быстрой воде, иногда в стоячей; и как правильно выбирать наживку – летом, в сухую погоду, мушек, а во время разлива – мелкую рыбешку. Он рассказывал о предыдущих вылазках, об удочках, оставляемых на ночь, о том, как однажды подцепил на крючок огромную шуку-каннибала, дедушку всех щук, как боролся с ней почти час и упустил в водорослях.

Завороженный Николас готов был слушать его вечно, но Хосе уловил в лице мальчика признак усталости и вдруг встал:

– Ты сегодня очень рано проснулся, амиго. Пора отдохнуть.

Не слушая возражений, он нарезал охапку мягких листьев папоротника, разложил их в тени мельницы и накрыл своим пончо.

– Вот, – сказал он. – Попробуй, удобно ли тебе... Малыш, притворяющийся больным...

Николас послушно лег, вытянув гудящие от усталости руки и ноги. Закинув руки за голову, он смотрел, как Хосе пошел к реке, вымыл тарелки и столовые приборы и уложил их в корзинку Магдалины. Потом нарвал свежих папоротников и дикой мяты и завернул форель. Полдень осыпал буковые деревья и пробковые дубы серебряными блестками. Истома и покой овладели долиной. В золотистом воздухе лениво чирикала птица. Звук был теплым и сонным. Мальчик закрыл глаза.

Когда Хосе вернулся, Николас, лежа на спине, крепко спал. Глядя на эту хрупкую, беззащитную фигурку, Хосе, который собирался взять удочку и проверить поток ниже плотины, передумал. Он тихо сел на землю рядом с мальчиком и, не спуская сочувственного взгляда с его лица, не отрываясь смотрел на присыпанную веснушками легкую бледность, нежные щеки, затененные длинными загнутыми ресницами, белые зубы, виднеющиеся из-под вздернутой верхней губы.

У Хосе было нелегкое детство. Ему было всего двенадцать лет, когда умер отец, и спустя пару месяцев его забрали из школы и отправили работать в поле. Он испытал бедность, изнурительный труд, мучительное беспокойство кормильца семьи. Это сделало его решительным и самостоятельным; праздным мечтам и утонченным переживаниям не было места в его душе. А веселый нрав и мастерство в пелоте сделали Хосе всеобщим любимцем, окруженным множеством друзей. Еще у него были мать, пять сестренек и дед Педро – их он, конечно, любил. Но все это меркло рядом с новой, всепоглощающей любовью к мальчику; мягкая, как южный воздух, она возникла неизвестно откуда, наполнив его нежностью и странной покровительственной жалостью. Он не мог бы выразить свое чувство словами, но сердце его пело.

Живой ум Хосе не отличался утонченностью, тем не менее он ясно читал свидетельства, написанные на этом нервном личике, подрагивающем даже сейчас во сне. Собственническая любовь консула, воздвигнувшая непреодолимую преграду между Николасом и миром, его нервозность и страх перед болезнью, повергшие ребенка в состояние хронической инвалидности, патологическая ревность, столь утомительная для юношеского духа, угрюмость и постоянно вспыхивающая ярость, его глупая гордость... Подсознательно догадавшись обо всем, Хосе всей душой пожелал освободить эту ни о чем не подозревающую жертву от тяжелого бремени и вернуть к нормальной жизни.

Когда Николас открыл глаза, солнце уже склонялось к окружавшим их холмам.

– Сколько же я проспал! – Он увидел реку и резко сел. – Мы будем еще рыбачить?

Хосе внимательно посмотрел на небо, желтоватое по сравнению с вершинами гор, которые были сейчас холодно-синими, как тени на снегу.

– Думаю, амиго, нам пора уходить.

– Ну, Хосе...

Хосе с улыбкой покачал головой и мягко положил руку на плечо мальчика:

– Нам нужно спешить. Не пропустить бы автобус. Но ты не волнуйся, Нико. Мы придем сюда еще раз.

Вернуться сюда, в это чудесное место, со своим лучшим другом – глаза мальчика радостно засияли. Он вскочил с победным воплем.

Они смотали лески, отцепили катушки и упаковали снасти. Забрали рыбу, при этом Николас настоял на том, чтобы самому тащить свой улов. И вместе стали подниматься в гору...

Глава 10

До Каса Бреза Николас добрался довольно поздно, около девяти часов вечера, но приподнятое настроение почти помогло ему справиться с боязнью темноты. На обратном пути в переполненном автобусе было весело, опять много смеялись, но больше пели – ах, это высокое каталонское пение с резкими перепадами тона и вибрирующими пассажами, к которому он, сам того не ожидая, присоединился. Его хвалили за большой улов, особенно восхищался длинноносый, который так ничего и не подстрелил, и называли смельчаком и стойким парнем. Воодушевленный общим вниманием, он даже не позволил Хосе выйти из автобуса, чтобы проводить его до виллы.

И сейчас в полном одиночестве Николас поднимался к ступеням патио, почти не пугаясь теней, скрывавшихся и шелестевших в кронах падубов. Первым делом он собирался отправиться на кухню, показать форель Магдалине и попросить приготовить ее на завтрак. Он открыл входную дверь и замер, обнаружив за ней темный холл. До чего же темно было, как в большой пещере. Магдалина забыла зажечь хрустальную газовую люстру, свисающую с высокого потолка на металлической цепи. В мерцающем за спиной свете звезд, вытянув вперед руки, он сделал несколько неуверенных шагов. И вдруг оцепенел. Из буфетной слева доносились голоса: низкий, грубый мужской и резкий, испуганный женский – бранились Гарсиа и Магдалина.

Возвращение дворецкого было для мальчика полной неожиданностью. Кровь застыла у него в жилах; веселье и недавняя уверенность в себе его покинули. Осторожно, на цыпочках, стараясь не наступать на скрипящие доски, он повернулся, но тут внезапный порыв ветра с моря с силой захлопнул остававшуюся приоткрытой входную дверь.

Вновь очутившись в сгустившейся темноте, Николас замер, пораженный многократным эхом, мечущимся в высоком холле. В ту же секунду его ослепил поток света, и из буфетной вышел Гарсиа с масляной лампой в руке. В фигуре дворецкого Николасу всегда чудилось что-то зловещее, но теперь, в слепящем свете лампы, покачивающийся и особо тщательно переставляющий ноги, он был страшен, как никогда. Не имея сил сопротивляться, Николас был схвачен за руку и втащен в буфетную, где его расширенные зрачки с трудом различили мрачную, с опухшими глазами Магдалину, сидящую за белым эмалированным столом с остатками еды и почти пустой бутылкой агуардьенте.

– Маленький хозяин вернулся. – Гарсиа заговорил пугающе медленно, с той же тщательностью выговаривая слова. На гладком, бледном, как кость, лице рот казался открытой раной. – И где же маленький хозяин был?

У Николаса отнялся язык, он в ужасе смотрел на это страшное смеющееся лицо, не в силах отвести взгляд. Наконец он смог выговорить:

– На рыбалке.

– На рыбалке... – протянул Гарсиа. – А где же рыба?

Николас молча протянул ему корзину, которую все еще сжимал в дрожащей руке.

Гарсиа медленно взял ее и вдруг резко вытряхнул содержимое на стол. Две форели соскользнули на пол с противоположной стороны. На эмалевой столешнице осталась третья, самая маленькая, ее выгнувшийся хребет выглядел жалким и убогим.

Гарсиа презрительно фыркнул:

– Разве так подают рыбу?.. Нечищенная, сырая.

У Николаса от страха ноги приросли к полу, а дворецкий схватил с блюда хлебный нож и одним ударом отсек голову маленькой форели. По белому столу потекла тоненькая розовая струйка крови.

– Я не позволю обращаться с собой как с поваренком! – рявкнул он мальчику. – Ты меня понял?

– Да, – пробормотал Николас, видя, что от него ждут ответа.

Гарсиа усмехнулся, не шевельнув губами:

– Что же ты дрожишь, маленький хозяин? Не ожидал увидеть меня здесь? Разве тебе не известно, что я ухожу и прихожу когда пожелаю?

– Да, да... Конечно, – судорожно прошептал Николас.

– Это хорошо, что ты согласен. – Дворецкий угрожающе выпрямился. – Тех, кто против меня, я уничтожаю, как насекомых.

Магдалина, раскачиваясь взад и вперед, тихонько застонала:

– Молчи, полоумный... Молчи... Молчи, Бога ради!

Гарсиа не обратил на нее никакого внимания. Он все так же поглаживал рукоятку ножа.

Смертельно побледнев, Николас смотрел на подернувшиеся мутной пленкой темные глаза, а тихий голос повторил:

– Как насекомых... Когда-нибудь я расскажу тебе обо всем, что сделал. Я уже обещал, ты, может, забыл. Но ничего. Настанет день, когда ты мневеришь. А пока тебе не следует быть против меня, шпионить или мешать мне. Тебе известно, что я никогда не сплю. Я всегда рядом... в коридорах... в твоей комнате... я все вижу...

– Нет... нет! – Ужас сковал губы ребенка, сдавленный крик слабо повис в воздухе.

Дворецкий довольно усмехнулся и медленно, не теряя равновесия, шагнул к Николасу. Тяжесть отрешенного взгляда безумных глаз, горящих на бледном лице, вселяла в мальчика ужас и отвращение. Словно его напоили отравой. В отчаянии он хотел отодвинуться, но тело больше ему не повиновалось.

– Да, – пробормотал Гарсиа. – Несчастное дитя. Но я могу многому тебя научить... Я открою тебе великую тайну. – Он вдруг умолк, сосредоточенно глядя вдаль, а затем продолжил, понизив голос, как будто разговаривал сам с собой: – Радость забвения... Море забвения... Эти потрясающие голоса...

Объятая неумной дрожью, со сведенными бровями, Магдалина выпрямилась.

– Замолчи! – выкрикнула она. – Заткнись, пьяная свинья! Ты совсем спятил!

Выдернутый из своих видений, Гарсиа повернулся к ней и, когда она сделала попытку встать, ударил левой рукой по лицу.

Удар был не слишком сильным, но от потрясения скованные мышцы мальчика снова обрели подвижность. С пронзительным воплем, заглушенным плачем Магдалины, он развернулся и, спотыкаясь, вышел из буфетной. Он взбирался по лестнице, падал, поднимался, не чувствуя боли, не чувствуя ничего, кроме сильнейшего желания скрыться.

Наконец-то он в своей комнате! Захлопнув дверь, он онемевшими пальцами повернул большой ключ. Потом закрыл на задвижку дверь, ведущую в отцовскую спальню. Ставни были уже закрыты. Дрожа всем телом, он стоял в темноте посреди комнаты, и его сердце билось, как птица в клетке. Он боялся зажечь газ. Только бы спрятаться! Сбросив ботинки, он дотащился до кровати и, не раздеваясь, залез под одеяло. Но Гарсиа и здесь стоял у него перед глазами, его лицо угрожало разбить вдребезги мир ребенка, и от пронзившего его стыда и страха из глаз Николаса полились жгучие слезы. Ах, если бы там был Хосе, он бы смог его защитить! При мысли о Хосе он заплакал еще сильнее.

Забудет ли он когда-нибудь эту бесконечно длинную ночь? Доносящиеся снизу стенания Магдалины, крики, громкая ругань, звон разбившейся бутылки, хохот, жуткий хохот, и снова звук ударов. А затем наступила тишина, тревожная тишина, пугающая сильнее любого шума, тишина, в которой чудилось неясное движение. Что это, что это было? Неужели он спал? А дверь, запер ли он дверь?! Пойти и убедиться в этом он не решался и лежал неподвижно с

широко открытыми глазами, утопая в холодном поту, пропитавшем его подушку, испытывая сильнейшее головокружение.

Наконец, когда он уже перестал надеяться, под ставнями забрезжила полоска света. Он, наверное, ненадолго задремал. Когда сознание вернулось к нему, он лег на бок и прислушался. В доме ни звука, ни шороха. Набравшись смелости, он встал и открыл ставни. И там – о, какое невероятное облегчение! – в чистом золотистом свете нового дня он увидел в саду Хосе. В одной майке тот легкими, размеренными ударами рыхлил клумбу с петуниями, рядом стояли тачка и лейка.

Николасу не нужно было одеваться. Отперев дверь, он слетел вниз по лестнице, промчался по усыпанной гравием дорожке и бросился к другу.

– Ой, Хосе... Хосе... – Сначала он только и мог, что повторять это имя, но постепенно, запинаясь, но не плача, сумел излить душу.

Присев на тачку, Хосе слушал, не проронив ни слова и не глядя на мальчика, если не считать одного-двух брошенных в его сторону насупленных взглядов. Когда Николас закончил, Хосе, помедлив в раздумье, встал. Сквозь напускную веселость в его лице проступила зрелая твердость.

– Ты должен поесть, Нико. Подожди здесь, я посмотрю, как там дела.

Медленно, но решительно он прошел мимо кустарника к задней двери и вернулся почти сразу же.

– Магдалина приготовила тебе завтрак, амиго. Гарсиа не бойся, он еще спит. – Он помолчал. – Я буду рядом.

Никто, кроме Хосе, не смог бы заставить Николаса вернуться в дом. Завтрак, поданный Магдалиной, был самым обычным, не считая подгоревшего тоста. Ее движения были вялыми, волосы сзади растрепаны, лицо опухло еще больше. В дыхании чувствовался сильный запах бренди. В его сторону она даже не смотрела, пока он не допил молоко; и только после этого, стоя у буфетной двери с безвольно сложенными под коротким черным передником руками, она обратила к нему затравленный взгляд:

– Гарсиа не хотел сделать ничего плохого. Он выпил слишком много агуарденте. Это больше не повторится. – Он молча посмотрел на нее, и она добавила: – Ты хороший мальчик. Ты не расскажешь сеньору Брэнду?

– Не расскажу, если не спросит, – хрипло ответил он.

– Вот и хорошо. – Она слегка пожала плечами. – А теперь пойдй умойся.

Николас поднялся к себе, торопливо умылся, почистил зубы и сменил рубашку. После этого он почувствовал себя лучше, но, хотя его кожа больше не была грязной и жесткой, из зеркала над комодом на него смотрело печальное и задумчивое лицо. Ему казалось, будто он – не он, а какой-то чужой мальчик. Он больше не мог оставаться в этой комнате, которая, дав ему вожаделенное убежище, тоже стала чужой, осквернившись зловещим ужасом прошлой ночи. Он снова побежал в сад.

Все утро он провел рядом с Хосе, почти не разговаривая, не проявляя интереса к его работе, то и дело украдкой поглядывая на фасад виллы, туда, где окно буфетной, как пустая рама, готово было вместить гладколицый ненавистный портрет. Хосе тоже помалкивал, по его насупленным бровям и сжатым губам было ясно, что он не намерен отнестись легкомысленно к создавшемуся положению, а еще он, похоже, был озабочен теми неприятностями, которые это сулит ему лично. Он тоже время от времени поглядывал в сторону дома.

К часу дня дворецкий еще так и не появился. Магдалина позвала Николаса на ланч, ему не хотелось идти, но выражение лица Хосе, требовавшее и от него такой же твердости, не позволило мальчику уклониться. Он, впрочем, заметил, что, пока он был в доме, его друг не отходил далеко от окна столовой. Даже когда Николас к нему вернулся, Хосе оставался довольно близко к вилле, стоя на четвереньках, он молча и бдительно пропалывал гравийную дорожку.

В три часа парадная дверь распахнулась, и на крыльцо вышел Гарсиа с непокрытой головой, в одной рубашке, брюках и плетеных сандалиях на босу ногу. При виде врага Николас чуть из кожи своей не выпрыгнул. Дворецкий был бледен и угрюм, казалось, он не вполне проснулся, коричневые тени вокруг глаз и на лбу выдавали невыразимую злобу. Он проковылял к одной из колонн и, обхватив ее рукой, чтобы не упасть, часто задышал. Хосе тем временем поднялся на ноги, и, полуобернувшись, Гарсиа увидел садовника и Николаса. Он не шевелился, Хосе тоже, они смотрели друг на друга, и Николас всеми своими натянутыми нервами ощущал, что между ними идет молчаливое сражение. Не было сказано ни слова. Наконец дворецкий опустил глаза и, пробормотав что-то себе под нос, сплюнул, как змея, плюющаяся ядом, и, сойдя с крыльца, направился к каретному сараю. Минуту спустя Николас услышал, как он моет из шланга машину.

Мальчик повернулся к своему защитнику, но Хосе, если и вышел победителем в этой битве характеров, не слишком демонстрировал свой триумф. Напротив, он стал еще угрюмее и вдруг резко спросил:

- Амиго, твой отец вернется сегодня?
- Нет. Он вернется не раньше чем завтра.
- И ты хочешь остаться здесь в доме сегодня ночью?
- Нет, нет, Хосе! Только не это! Ты же не оставишь меня здесь?

Хосе, не отвечая, уставился в землю, потом посмотрел на Николаса, и взгляд его выражал любовь и растерянность одновременно.

– Мне очень нелегко, Нико. Мне не нужны неприятности. Да, я не могу... Но и оставить тебя здесь с этим *рісаго*³ тоже не могу!

- Спасибо, спасибо тебе, Хосе!

Его благодарность не вызвала у Хосе ответной радости, и довольно резко он сказал:

- Хватит! Сегодня работы больше не будет. Ты пойдешь ко мне.

³ Здесь: негодяй (исп.).

Глава 11

Где живет Хосе, Николас не знал. Достаточно и того, что теперь они вместе идут в город, с каждым шагом удаляясь от Гарсиа и Каса Бреза. От этого его настроение моментально улучшилось и все страдания были забыты. Он беззаботно болтал обо всем, что приходило в голову, прерываясь, чтобы указать на что-либо необычное: черно-желтую птицу, странный цветок на обочине, оранжевый парус в далекой бухте. Хосе же был погружен в свои мысли. Выйдя на площадь, он направился к широкому лестничному маршу, ведущему к церкви с розовой штукатуркой.

– Подожди здесь, Нико.

– Куда ты?

– Туда, где я бываю нечасто. – Хосе улыбнулся уголком рта. – Думаю, сегодня самое время туда пойти.

– Я с тобой!

Поколебавшись, Хосе пожал плечами и довольно неохотно повел его по длинной пологой лестнице со стертыми ступенями.

Церковь поразила Николаса уходящей в полумрак высотой и странным мускусным запахом. Потолок возносился раскрашенными выступами, а по бокам нефа было много темных ниш, из которых тянулся дымок от горящих свечей. К одной из ниш и приблизился Хосе. Перекрестившись, он опустился на колени, склонив голову в неожиданно напряженной позе перед украшенным позолоченными сердечками стеклом, за которым на фоне красного бархата стояла красивая фигурка полуженщины-полуребенка в синем – самом настоящем – платье и с крошечной золотой короной с драгоценными камнями на голове. Хосе оставался коленопреклоненным всего несколько секунд, а затем поднялся, бросил в ящик монетку и зажег свечу в подставке с чашечками из красного стекла.

На улице Николас, почувствовав нежелание Хосе обсуждать свои действия, тем не менее со смущением понял, что причиной каким-то образом стал он сам, и выпалил:

– Я заплачу за свечку, Хосе!

Он не понимал, почему друг прыснул от смеха, а затем утешительно похлопал его по спине.

Они шли по переплетению узких улочек к северу от площади, которую Николас с отцом пересекали недавно, идя на пелоту. Теперь же они свернули из переулочка на Калье Корриенте – длинную улицу, ведущую к реке, в которую стекали сточные воды городской прачечной. Обветшалые, в несколько этажей желтоватые дома отбрасывали тень на противоположную сторону улицы. Из открытых окон свисали постельные принадлежности. Откуда-то доносился перебор струн: играли на мандолине. Пара ослов в упряжке пили из металлической поилки, пока их босоногий погонщик отдыхал, растянувшись на низкой дамбе. На разбитой, исчерканной мелом мостовой многочисленные дети тихо и сосредоточенно играли в незнакомые игры. Эта сцена, присутствие детей встревожили Николаса, и он вопросительно взглянул на своего друга. Но Хосе, чьи глаза были прикованы к невысокой женщине средних лет, прямо перед ними сгибающейся под большим узлом из белой простыни, ускорил шаг.

– Это моя мама, Нико. – Он позвал: – Мария... Мария Сантеро!

Они догнали ее, Хосе забрал тук с бельем и быстро прошептал что-то ей на ухо, пытаясь объяснить, в чем дело. Николас понял, что это задача не из легких. На изнуренном смуглом лице, которое четко очерченные брови и гладкие черные волосы делали еще темнее, удивление сменилось растерянностью и даже страхом. Больше ничего сказать Хосе не успел, так как они свернули в узкий проход и стали взбираться по бесконечной каменной лестнице между шоколадного цвета стенами. Поднявшись наверх, Хосе свободной рукой открыл узкую дверь.

– Гляди, Нико! – радостно воскликнул он. – Это наш дворец. Всего две комнаты. Но зато лучший в городе вид.

Они вошли в странное помещение с низким потолком – сочетание кухни с железной плитой в одном конце и гостиной с диваном, обитым выцветшим желтым плюшем, – в другом. Накрытый для ужина лакированный стол и стулья из того же светлого дерева теснились в центре на деревянном полу. Светло-зеленые стены были увешаны фотографиями в украшенных ракушками рамках, там же висела коробочка с чучелом колибри и еще одна – с бабочками, пара ловушек для пелоты, спортивный календарь и несколько цветных картинок религиозного содержания. У окна, сидя на низком табурете, глубокий старик в круглой черной шапочке вязал длинными костяными спицами, а у плиты черноглазая грудастая девочка лет двенадцати что-то помешивала в дымящемся чугушке.

– Педро... и Пакита, – сказал Хосе Николасу, снимая с плеча тюк. – А остальные где?

– Еще из школы не вернулись, – ответила Пакита, не переставая помешивать в кастрюле, и удивленно уставилась на Николаса. – Ты сегодня рано.

– Да, пожалуй, – небрежно ответил Хосе.

Не снимая шали, Мария встревоженно позвала Хосе:

– Пойдем, сынок, нам нужно поговорить.

Не успели они выйти в другую комнату, как на лестнице послышался топот. Дверь открылась, и в комнату вбежали четыре девочки в полотняных передниках, у каждой в руках потрепанный учебник, катехизис и квадратный белый лоскуток для шитья.

Николаса бросило в жар и холод одновременно. Никогда еще его так тесно не окружало столько девочек разом. Он растерялся, не зная, как реагировать, и хмуро уставился на бабочек, чувствуя, как краснеет. Неожиданно ему на выручку пришел старик.

– Как тебя зовут, молодой сеньор?

– Николас.

– А это сестры Хосе. Хуана младшая, ей пять лет, доброй Луисе семь, потом умная Елена, ей еще нет девяти, и, наконец, озорница Бьянка – эта на два года моложе Пакиты.

Без тени смущения девочки окружили Николаса, с неприкрытым любопытством изучая его, разглядывали галстук, подтяжки, шнурки ботинок и засыпали вопросами.

– Откуда ты, мальчик?

– А зачем ты пришел?

– Скажи же, Бога ради, кто ты?

Последний вопрос, выпаленный озорной Бьянкой, показался ему самым заслуживающим внимания.

– Я сын Харрингтона Брэнда, – сухо ответил он. – Консула Соединенных Штатов в Испании.

– Ого! – восхитилась Луиса. – Молодой сеньор-американец. Сын хозяина Хосе!

Девочки почтительно отошли и тихо заговорили между собой. Николас сделался еще краснее, ведь они наверняка говорили о нем. Слава Богу, в комнату вернулись Хосе с матерью, и, хотя беспокойство не совсем покинуло Марию, по их лицам он понял, что все устроилось.

– А теперь всем ужинать. – Настороженность сменилась на лице Марии доброй улыбкой. – Надеюсь, Николас, тебе нравится оля подрида.

Они сели за стол, и Мария, не спеша, держа вместительный чугунок белыми распаренными руками – даже ногти побелели от стирки, – каждому по очереди положила в тарелку порцию тушеного мяса с овощами. Хосе, сидя во главе стола, нарезал толстыми ломтями черный хлеб, который Николас пробовал на реке – как же давно, как далеко это было! – потом добрая Луиса произнесла благословение, и все начали есть.

Не было ни соуса, ни вина, а черный хлеб слегка смазывали оливковым маслом вместо сливочного. Мясо в рагу темное и жилистое, явно не лучшего сорта, да и не так уж много, но

до чего аппетитное, с луком и кусочками красного перца – такую вкусную еду Николасу редко доводилось пробовать.

Мария, как он заметил, взяла себе очень скромную порцию, и Педро, с выражением знающего свое место человека, предостерегающе поднял руку, чтобы ему не положили слишком много. Только Хосе – единственному настоящему мужчине в доме – была предложена добавка.

Подражая остальным, Николас вытер тарелку последним кусочком хлеба. Пакита встала, взяла с плиты керамический кувшин и налила каждому чашку обжигающего кофе. Это ошеломило Николаса – он знал, что такие напитки не для детей. Но ни за что на свете не желая отличаться от других, он, не поморщившись, отхлебнул варево с крошками и вкусом горелых зерен.

За кофе начался разговор. Сыну консула, привыкшему у себя дома к долгому гробовому молчанию, вибрировавшему над полированной поверхностью стола из красного дерева, подобно камертону в могиле, очень понравилось, что здесь, за этим столом, все говорят одновременно. Девчонки, чьи худенькие тельца были полны жизни, украдкой поглядывая на гостей, рассказывали, что они делали в школе. Мария рассказывала Паките, какое платье она видела в витрине магазина в пассаже – из зеленого бархата, с бордовыми рукавами, о, клянусь мощами Пресвятой Девы, потрясающее платье! – а Хосе, повесив куртку на спинку стула и удобно откинувшись, обсуждал с Педро шансы Сан-Хорхе в ответном матче против Уэски. И Николас, несмотря на застенчивость, тоже оказался вовлеченным в этот разговор.

– Как ты считаешь, амиго мио? – спросил Хосе.

Николас набрал в грудь воздуха.

– Если будешь играть так, как в последней встрече, то вы наверняка выиграете. – Он запнулся, но храбро продолжил излагать мысль, давно зреющую у него в голове: – Тебе нужно играть в большом городе, Хосе. Будешь получать много денег.

Хосе широко улыбнулся, сверкнув зубами:

– Для большого города я недостаточно хорош. Да я бы там просто задохнулся. Мне лучше в деревне, Нико, – свежий воздух, хорошая рыбалка.

– Мы, Сантеро, всегда играли в пелоту. Но только ради игры, – мягко сказал Педро. – Отец Хосе был знаменитым игроком... Вот его фото. – Он указал на портрет коренастого мужчины с завитыми усами и коком надо лбом. – Да и я тоже был... Хотя и скромным, но игроком...

– Ты был лучше всех нас, дед! – возразил Хосе. – Расскажешь как-нибудь Николасу про свой матч с Сароссой.

Старик довольно улыбнулся.

– Ты не идешь на тренировку? – вдруг спросил он. – Хайме просил передать, что он там будет.

Но Хосе решительно помотал головой. А от его слов Николаса окатила теплая волна счастья.

– Сегодня я останусь с Нико. Эй, болтушки! Как насчет партии в эсталидо? Покажем американцу, что мы умнее, чем он думает!

Предложение было встречено одобрительным хором. Бьянка сбегала к комоду и принесла потрепанную колоду карт. Стол быстро очистили, и, за исключением Марии, которая сказала, что ей нужно рассортировать и починить белье, вся компания включилась в игру.

Как только Николас усвоил несложные правила, игра пошла по нарастающей – все быстрее и быстрее, под шлепанье карт, возбужденные вскрики Хуаны, внезапные взрывы смеха. Сквозь открытое окно в комнату проникал несмолкаемый гул города: топот гуляющих у реки, крики мальчишек-газетчиков, читающих вслух вечерний выпуск, грохот тележных колес, звон колоколов. Внизу зажглись огни, протянувшись вдоль улиц сверкающими ожерельями, над театром вспыхивала и гасла вывеска. И эта окружающая яркость, вселявшая уверенность в то,

что жизнь имеет смысл, и это дружелюбное веселье в комнате подбодрили Николаса. Подстрегавшие его ночные кошмары отступали все дальше и дальше, пока почти совсем не исчезли. Как могло случиться, что в этом убогом жилище, где на всем лежала печать бедности, после еды, едва ли насытившей его, среди этих простых работающих людей он чувствует себя весело и непринужденно? Не думая об этом, он упивался нечаянной радостью. Сверкая глазами, звонко хохоча, он хватал со стола карты.

Он и не заметил, как долго длится игра, но в девять часов, после окончания очередной партии, Мария, отложив шитье, встала со стула у окна.

– Достаточно, – мягко сказала она. – Пора спать.

Застигнутый врасплох, Николас замолчал, но остался с открытым ртом, глупо глядя на нее, пораженный ужасным непродуманным затруднением. Где они все будут спать в этом крошечном домике? Нет, это невозможно. Неужели его выгонят? Отправят в Каса Бреза в такой поздний час?

Его беспокойство было столь явным, что Хосе рассмеялся:

– Не волнуйся так, Нико. В жизни не встречал такого беспокойного парня. Все очень просто. Смотри! – Откинувшись на спинку стула, он протянул руку и открыл внутреннюю дверь. – Все женщины спят здесь.

Заглянув в другую комнату, Николас увидел, что она почти полностью занята двумя большими кроватями с латунными спинками. Да, все еще неуверенно подумал он, может, и поместятся.

– А мы? – вдруг воскликнул он.

Хосе указал на Марию, отодвинувшую рядом с плитой ситцевую занавеску с кистями, за которой обнаружилась квадратная ниша в стене со встроенной кроватью. Ее-то она сейчас и застилала свежими простынями.

– Здесь спим мы с Педро, – пояснил Хосе. – Но сегодня здесь будем спать мы с тобой. Педро уляжется на диван. Правда, дед?

– Ясное дело! – подтвердил Педро. – С большим удобством.

Николас поежился. Он никогда еще не спал с кем-то вместе. Но никто не заметил его колебаний. Пять сестер, пожелав ему по указанию матери спокойной ночи – каждая подала руку и слегка присела в чопорном реверансе, – скрылись вместе с Марией в другой комнате. Педро встал и, взглянув на погоду за окном, вышел на пять минут поразмяться. Хосе взял из стопки рядом с кроватью потрепанный журнал в яркой глянцевой обложке.

Николас начал неуверенно раздеваться, бросая одежду на ближайший стул. Чрезвычайная робость и почти что стыд замедляли все его действия. И еще одна трудность пугала и угнетала его. Но Хосе, не глядя, произнес пару слов и вытащил из-под кровати посудину, Николас повернулся спиной. Стало намного легче. Мария положила для него длинную куртку странного фасона, застиранную до белизны. Он надел ее, завязал длинные ленточки на шее и талии и запрыгнул в постель. И там, прижавшись к стене, лежал неподвижно.

Вернулся старик, походил по комнате, бормоча что-то себе под нос, подбросил в печку поленце. Потом послышался скрип диванных пружин.

Хосе еще немного посидел за столом, шелестя страницами. Потом он встал, зевнул, рассеянно почесав в затылке, сделал несколько наклонов и разулся. Подойдя к полке, он потушил свет и пару минут спустя уже лежал в постели рядом с Николасом.

Почувствовав, что мальчик не спит, он прошептал:

– Все в порядке, амиго? Места достаточно?

– Да, – так же шепотом ответил Николас.

Постепенно его тело расслабилось, перестав прижиматься к стене. Кровать была мягкой и уютной. Незаметно он уснул.

Глава 12

Часом раньше, ничего не зная о том, что произошло за время его отсутствия, Харрингтон Брэнд вышел в Барселоне из идущего на восток поезда. С чемоданом в руке, протиснувшись сквозь кольцо орущих носильщиков и быстрым шагом миновав пассаж, он вышел к отелю «Эстасьон». Нерасторопный клерк определил его в номер на втором этаже, выходящий окнами во внутренний двор. Комната была нехороша, но, вопреки своей привычке, консул не стал возражать – здесь, по крайней мере, было тихо, а это ему сейчас было нужно больше всего. Всю дорогу от Мадрида он не мог собраться с мыслями и сидел, унылый и мрачный, в переполненном купе, поскрипывая зубами и мучительно хмурясь.

– Будете обедать, сеньор?

Брэнд тупо уставился на человека, который привел его в номер.

– Нет, не хочу. – Тут он сообразил, что с утра ничего не ел. – Да... Принесите что-нибудь... Все равно что. Кофе и холодную ветчину.

– Слушаюсь, сеньор.

Человек хотел выйти, но консул его остановил:

– Подождите. Отправьте телеграмму.

Он взял со стола блокнот с бланками и написал:

ГАРСИА, ВИЛЛА БРЕЗА, САН-ХОРХЕ.
ВСТРЕЧАЙТЕ МАШИНОЙ ВОКЗАЛЕ САН-ХОРХЕ УТРЕННИМ
ПОЕЗДОМ 7:45 ЗАВТРА ВТОРНИК. ХАРРИНГТОН БРЭНД.

Оторвав бланк, он протянул его коридорному и властно произнес:

– Пусть отправят это немедленно. И передайте, чтобы разбудили меня в шесть утра.

Человек склонил голову:

– Непременно, сеньор.

Когда дверь закрылась, Брэнд со сжатыми кулаками и задумчиво сведенными бровями стал ходить взад и вперед по комнате, в сотый раз спрашивая себя, как могла ввести его в заблуждение формулировка того официального письма. Умозаключение, вынесенное им из письма, было вполне естественным, и ему в любом случае не в чем было себя винить. И все же... Каким же он был доверчивым! Когда он с горечью вспомнил свои разговоры с Деккером и малышом Николасом перед отъездом, в которых блестящее будущее он возвел на надеждах, оказавшихся абсолютно иллюзорными, его бросило в пот.

Невероятным усилием консул взял себя в руки, и этому способствовало осознание усталости при виде своего изможденного, небритого лица в зеркале шкафа. Достав из саквояжа туалетные принадлежности, он отправился в ванную. Пока ванна наполнялась, он побрился, а потом полежал некоторое время в горячей воде, словно пытался растворить в ней физическую боль.

Потом, в халате и тапочках, сел за письменный стол у двери, на котором стоял поднос с едой. Залпом выпил две чашки кофе и съел бутерброд с ветчиной. Насытившись, он встал и позвонил, чтобы убрали.

Официант пришел и ушел, и консул снова остался один, наедине со своими мыслями, со жгучим воспоминанием о собственном унижении. С нервно подергивающейся щекой он вернулся к столу, положил на бювар перед собой несколько чистых листов, взял ручку и начал писать:

*Отель «Эстасьон»
Барселона
Понедельник, 22:30*

Дорогой Галеви!

Я пишу из отеля, движимый желанием излить Вам – моему другу и врачу – душу, испытывая насущную необходимость в Вашем совете и поддержке.

Вам хорошо известна несправедливость, преследующая мою служебную карьеру, ведь Вы всегда хвалили достоинство и силу духа, с которыми я это терпел. В прошлом месяце я писал Вам об усилиях, прилагаемых мной к тому, чтобы смириться и оптимальным образом использовать свой перевод в Коста-Браву. В пятницу я получил сообщение от Лейтона Бейли, извещающее меня о том, что Джордж Тенни, консул первого класса в Мадриде, перенес эпилептический припадок, в связи с чем необходимо мое немедленное присутствие в столице.

Вы знаете, я лишен самомнения. И никогда не тороплюсь с выводами. Могу Вас заверить, что из формулировки письма было совершенно ясно, что мне предстоит заменить Тенни. Я безотлагательно отправился в Мадрид.

Прибыв на место в субботу, я, к своему удивлению, обнаружил, что увидеться с Бейли невозможно – он уехал за город на уик-энд. Вернувшись в понедельник, он потряс меня, объявив, что я вызван в качестве временного заместителя, что Герберт Мейер, который сейчас находится в Варшаве, должен занять место Тенни и что «я очень обяжу его, если заполню вакансию» до приезда Мейера.

Нет нужды объяснять Вам, какой это был удар! Я не мог принять это как само собой разумеющееся. С излишней горячностью я напомнил Бейли о своих заслугах и превосходных характеристиках. Я указал, что давно назрела необходимость моего повышения, и решительно попросил рассмотреть этот вопрос.

Он ответил не сразу.

– А вы о себе высокого мнения! – сказал он.

Это было слишком! Выпрямившись во весь рост, я официально заявил ему, что у меня есть своя работа в Сан-Хорхе и что там же моя семья в лице больного сына ждет от меня строгого исполнения своих обязанностей, а еще я заявил, что если я не должен занять пост Тенни, то прошу позволить мне покинуть Мадрид.

После моего заявления воцарилось молчание. Я ожидал вспышки гнева, но, к моему удивлению, Бейли заулыбался, будто его неожиданно одолело извращенное чувство юмора.

– Странная вы птица, Брэнд. Наслышан о вас. Вы в посольстве притча во языцех. Но вас надо было увидеть, чтобы поверить. Я, конечно, должен о вас доложить. Но не буду. Возвращайтесь в Сан-Хорхе. И Бога ради, постарайтесь стать человеком. Умерьте свое самодовольство, свое колоссальное себялюбие. Постарайтесь стать хотя бы немного современнее. Это не принесет вам чинов, но прибавит жизненности.

Что можно было ответить на подобную тираду, Галеви?! Я холодно откланялся и без промедления отбыл одиннадцатичасовым поездом. Сейчас, мой добрый друг, негодую и пребывая в смятении от горечи и безысходности, я уповаю на Вашу щедрость, на Ваше искусство целителя душ.

В этом месте Брэнд, почувствовав, как вздулись на лбу вены, прервался. Надо ли продолжать? Да, ради себя самого, как бы ни было это больно, надо! Как часто в прошлом, расслабившись на кушетке в узком кабинете профессора на улице Капуцинов, где спущенные тяже-

лые шторы приглушали доносящийся снаружи шум, он, открыто и раскованно выговорившись, находил успокоение, когда, закрыв глаза, подчинялся тихим указаниям сидящего рядом с ним опытного врача.

Сейчас, даже на таком расстоянии, он чувствовал насущную потребность в подобном утешении. Стиснув зубы, он продолжил писать.

Должен рассказать Вам, Галеви, кое о чем, даже рискуя потерять уважение к себе. Когда Бейли говорил мне эти возмутительные слова, у меня закружилась голова и перед глазами возникла странная, ужасная картина – будто это говорит со мной моя жена. В плывущем передо мной тумане я словно увидел, как в ту ночь она выбежала под дождь из квартиры, которую снимала на Тридцать девятой улице в Нью-Йорке. Я последовал за ней туда и часа два ждал снаружи, уверенный, что она принимает любовника. Когда я вышел из тени прямо перед ней, свет фонаря упал на ее бледное лицо и невероятные глаза, и она сказала... Но боже мой, зачем же я снова мучаю себя?! Вы должны помнить этот случай, ведь я же подробно Вам его описал, словно хотел вырвать из сердца, во время своего первого сеанса психоанализа.

Вот видите, друг мой, как глубоко я был задет. И дело не в обидных словах Бейли – они слишком абсурдны, чтобы заслуживать доверия. Но какова была моя реакция на них? Неужели эти до сих пор кровоточащие раны, о которых знаете только Вы и которые Вы исследовали с такой деликатностью, никогда не заживут? Неужели никогда не сбудется мое желание быть любимым – любимым нежно, страстно, безраздельно? Разве я из тех, кому суждено всегда оставаться непонятым, недооцененным и терпеть издевательства от низших личностей? Неужели мой ум и сердце никогда не получают должного признания?

Что меня ждет, дорогой друг?

Не отрицаю, что я в некоторой степени ценю статус, который придает звание консула. Более того, я считаю, что как нельзя лучше подхожу для выполнения служебных обязанностей и функций, возложенных на меня. Тем не менее есть граница, которую даже самого исполнительного человека нельзя заставить пересечь, когда нужно встать и торжественно заявить: «Стоп!»

Вы знаете, что мой труд о Мальбранише практически завершен и, как я полагаю, выйдет в свет в ближайшие три месяца. Нет сомнений в том, что это монументальное произведение, ставшее частью меня самого, вызовет бурю в интеллектуальных и философских кругах на обоих континентах. В связи с этим не следует ли мне оставить службу и полностью посвятить себя литературе? Я располагаю некоторым состоянием – это поможет мне не зависеть от вкусов публики. Но в первую очередь я должен учитывать благополучие и интересы моего дорогого сына.

В такие периоды, Галеви, когда душа погружена в глубокое уныние, я вдвойне благодарен Богу за Николаса. Из того, чем я под защитой профессиональной тайны с Вами делился, Вы знаете, что за свой несчастливый брак я был вознагражден нежной, чистой, безграничной любовью сына. Если я буду свободен и смогу посвятить себя литературе – разве не скажется это благотворно на хрупком здоровье моего ребенка? Мы бы смогли чаще бывать на курортах, подлечить его нервный диатез. Да и моей нервной системе это пошло бы на пользу. Я смог бы полностью посвятить себя сыну, оградить его от дурных влияний в трудные годы полового созревания... Да, охранять и защищать мой нежный распускающийся цветок.

Принять такое решение я могу, только посоветовавшись с Вами, мой дорогой доктор. Умоляю Вас выполнить обещание посетить Каса Бреза. Вы собирались приехать в июне. Я прошу Вас приехать сейчас или хотя бы в ближайшие пару недель. Вы будете приняты по-королевски. Не расценивайте это как обычный срочный случай в Вашей практике. В клинике Вас может заменить любой из Ваших коллег. Не подведите меня.

Уже почти полночь. Я должен немного поспать, даже если придется принять четыре таблетки из тех, что Вы мне дали и которые, увы, уже почти не действуют. Того, что я написал, достаточно, чтобы уверить Вас в серьезности ситуации. Повторяю: не подведите меня. Жду от Вас ответа в ближайшие дни. А я тем временем успокоюсь, залечу раны, как говорится, и сияющая улыбка Николаса поможет мне прийти в себя.

*Ваш преданный и страждущий друг,
Харрингтон Брэнд.*

Консул подпер голову растопыренными пальцами и сидел не шевелясь, не считая подергиваний лицевого нерва. В груди мучительно набухало знакомое чувство жалости к себе. И все-таки письмо принесло ему некоторое облегчение – слабый отголосок того чувства очищения, которое он испытывал после катартических сеансов в кабинете профессора Галеви. Он вздохнул, подбородок начал подниматься, постепенно возвращая лицу консула волевое выражение. Неспешно поднявшись, он вышел из номера и опустил письмо в почтовую щель рядом с лифтом.

Час спустя под действием таблеток он спал глубоким сном.

Глава 13

Прибрежный поезд был точен, как никогда. Без четверти восемь утра Харрингтон Брэнд прибыл в Сан-Хорхе и на платформе увидел ожидавшего его Гарсиа.

– Вы получили мою телеграмму, – отметил он, отдавая чемодан и направляясь к машине.

– Да, сеньор. Но почему вы не позволили мне привезти вас из Барселоны? Ради вашего удобства я мог бы за ночь доехать.

Несмотря на мрачное настроение, консулу была приятна эта забота – поистине исключительный парень его дворецкий! Брэнд не часто бывал снисходителен к своим слугам, но, когда Гарсиа укутывал пледом его колени, он ответил:

– Вы хорошо мне служите, Гарсиа, и этим заслуживаете моего взаимного расположения.

Влажные от утренней росы улицы были довольно пустыми, и дорогу до виллы машина преодолела за пять минут. Радуюсь возвращению домой и чувствуя, как ослабевает стеснение в груди, Брэнд направился к входной двери. Втайне он надеялся, что Николас встретит его в патио, хотя это и было бы посягательством на им же самим установленные для мальчика правила. Степенно, но все же быстрее обычного он пересек холл и поднялся по лестнице вместе с Гарсиа, несущим за ним чемодан. Сначала он вошел в свою комнату, снял дорожное пальто и вымыл руки, затем с усиливающимся нетерпением открыл дверь, ведущую в спальню сына, и замер в недоумении, улыбка сползла с его лица. Где Николас? Может, он спрятался, чтобы подшутить над отцом? Нет. Постель не тронута. Комната была совершенно пуста.

Консул встревоженно обернулся:

– Гарсиа! Гарсиа! Где мой сын?

Осторожно опустив на пол чемодан, дворецкий выпрямился и бесстрастно уставился в одну точку над головой хозяина.

– Ваш сын, сеньор? Сожалею, но... Его здесь нет.

– Что?!

– Да, сеньор... – Дворецкий говорил медленно, будто тщательно подбирая слова, слетавшие с его губ. – Вчера после обеда... Мы с Магдалиной не успели его остановить... Он ушел.

Оцепенение, овладевшее Брэндом в первое мгновение, быстро переросло в тревогу.

– Куда он пошел? И с кем?

– Я точно не знаю, куда он пошел, сеньор... В город, наверное. – Гарсиа помолчал, в его глазах мерцали язычки тьмы, затем почти неслышно произнес: – Он ушел с Хосе.

– Хосе! – сквозь зубы произнес консул ненавистное имя.

– Он самый, сеньор. Они ушли, смеясь и разговаривая... И держались за руки. – Затем, напустив на себя уверенный вид, Гарсиа добавил: – Не волнуйтесь, сеньор. Они сегодня вернутся, вот увидите. Они провели вместе только одну ночь.

У консула подкосились ноги. Смертельно побледнев, он сел на краешек кровати. Хосе с его сыном... Вопреки его категорическому запрету... А он-то был уверен, что их общению положен конец. Слова «смеясь и разговаривая»... «держались за руки»... «провели вместе ночь» раскаленным железом жгли его мозг. Адов огонь гнева, ненависти, обманутой любви пылал в его груди. Консул стиснул руки. Господи, за что! Именно сейчас, в минуту тяжелых испытаний, когда он весь переполнен отцовской нежностью, когда он более всего нуждается в сыновней любви. Нет, нет, этого не может быть... Он не может в это поверить...

– Гарсиа! – лихорадочно вскрикнул он. – Что вы такое говорите! Мой сын, должно быть, пошел к мистеру Деккеру. Тут какая-то ошибка.

Дворецкий, не отводя от него темных горящих глаз, в которых таилась насмешка, пожал плечами:

– Не мне с вами спорить, сеньор. Обо мне всегда говорили, что я свое место знаю. И это место часто было очень высоким. Конечно, если вы полагаете, что я отступаю от истины...

– Нет, Гарсиа. – Брэнд заискивающе взглянул на него. – Я не это хотел... Вы вне подозрений. Но все же... – Он осекся, стиснув лоб обеими руками.

– Сеньору, несомненно, очень трудно в это поверить. – Избавленный от пристального внимания консула, Гарсиа под кажущейся невозмутимостью веселился вовсю. – Я с большим почтением отношусь к сеньору и его сыну. Мне не хотелось причинять сеньору боль. Но если требуются доказательства...

Когда Брэнд с невероятным усилием поднял голову, Гарсиа протянул ему измятый листок бумаги.

– Я нашел это в саду, сеньор. Там было еще несколько. Но и этого будет достаточно.

Консул машинально взял листок, но карандашные строки расплывались перед его затуманенным взором, и из всего он смог разобрать только слово «люблю». Он не спеша потянулся за очками и с тяжелым сердцем надел их.

Дорогой Хосе, как я люблю, когда мы вместе...

Консул, не отрываясь, дочитал до конца все игривые строчки, которыми так весело перебрасывались Хосе и его сын. Красные пятна вспыхнули и погасли на висках, вытянутое лицо Брэнда побледнело сильнее прежнего. Он почувствовал себя опустошенным до тошноты, и эта внутренняя пустота вдруг взорвалась сильнейшим, удушающим гневом.

Сквозь объявший его красноватый туман проник тихий возглас Гарсиа:

– Они вернулись, сеньор. – Дворецкий указал на окно. – Вот они... в саду.

Не двигаясь с места, консул ответил:

– Благодарю вас, Гарсиа. Можете идти. Я должен немедленно увидеться с сыном.

Некоторое время после ухода слуги он еще сидел, затем резко встал и судорожно задыхался, расправляя сдавленные легкие. Непонятно почему, он не мог заставить себя выглянуть в окно. Консул вышел и медленно спустился по лестнице. Как только он оказался в холле, входная дверь распахнулась и в потоке солнечного света в дом вбежал Николас.

Увидев отца, он вскрикнул и резко остановился. Его взгляд моментально померк. И хотя он тут же шагнул вперед, приветливо улыбаясь, консул успел заметить испуг на лице сына и снова ощутил укол в сердце.

– Доброе утро, Николас, – глухо сказал он.

– Доброе утро, папа, – пробормотал мальчик.

– Ты уже позавтракал?

– Да, папа.

– О, тебе везет больше, чем мне. Может быть, если тебе нечего делать, побудешь со мной, пока я завтракаю?

В сопровождении сына консул вошел в столовую и занял место за столом, на который Гарсиа сразу же поставил знакомый поднос с кофейником, фруктами и булочками. Консул на удивление твердой рукой налил себе чашечку кофе. Он не предложил сыну сесть, и тот так и стоял перед ним, подобно подсудимому. Увидев, что все в порядке, Гарсиа бесшумно удалился.

– Приехав утром, – начал консул, – я рассчитывал, видимо слишком самонадеянно, что ты меня здесь встретишь.

– Но, папа... Я не знал, что ты так рано вернешься.

– Конечно нет. – Консул горько усмехнулся. – А кстати... Где ты был?

– У Хосе.

– Ты провел ночь в его доме?

– Да, папа.

Консул разломил булочку.

– Ты же дал мне слово с ним не разговаривать.

– Я и не разговаривал сначала. Потом совсем немного... – Глаза мальчика наполнились влагой. – Но в конце концов мне пришлось разговаривать. Мне было так одиноко... и так страшно.

– В самом деле? Кто же тебя испугал, смею я спросить?

Из-под длинных ресниц Николас украдкой бросил взгляд на дверь буфетной и очень тихо ответил:

– Гарсиа, папа.

– Что?! – вскинулся консул. – Как ты смеешь мне лгать?!

– Я не вру, папа. Он напугал меня, только Магдалина просила ничего тебе не говорить. Поэтому я пошел к Хосе. Поверь мне, папа, пожалуйста!

– Я не верю тебе, – сурово ответил Брэнд. – Ты намеренно выдумал этот вздор с единственной целью меня обмануть.

– Нет, папа, нет! Умоляю тебя мне поверить. – Слезы брызнули из глаз Николаса и покатались по щекам и носу. – Я тебе все расскажу... Гарсиа был ужасен! У него был нож. Он отсек голову моей рыбке. Весь стол был в крови. Я подумал, что он и меня хочет убить. Как же ты не видишь, папа? Он не тот, кем притворяется! Он смеется над нами все время. Он плохой и злой человек, совсем не такой, как ты и Хосе.

– Как ты смеешь объединять меня с этим?! – крикнул консул, кровь ударила ему в голову.

Николас отшатнулся, увидев мертвенно побледневшего отца, и зашелся в рыданиях.

– Ты спятил? – хрипло сказал консул. – Что за чушь ты несешь – ножи, кровь, отрезанные головы. Кто-то подучил тебя оклеветать Гарсиа! Я этого не допущу! Гарсиа безупречен, он исключительно надежный человек, не то что этот твой неотесанный хам.

– Нет, нет, папа, – плакал мальчик. – Хосе хороший.

От ярости консул стиснул зубы. Ему пришлось вцепиться в подлокотники кресла, чтобы удержать себя в руках, вцепиться отчаянно, как в единственное надежное место, как в холодный трон инквизитора.

– Значит, твой друг хороший... – Ему не хватало воздуха. – Он тебе нравится?

– Да, папа.

– Может, ты его даже любишь?

Мальчик кивнул сквозь слезы:

– Разве не должны мы любить всех?

Консул дернулся, как от укуса гадюки.

– Не уваливай! Отвечай: куда он повел тебя вчера вечером?

– К себе домой.

– Где это?

– На Калье Корриенте.

– Ясно. Худшие трущобы в Сан-Хорхе.

– Не совсем, папа. – Николас всхлипнул. – Там очень чисто. И чудесный вид на горы, бабочки и колибри на стенах. Хосе их собирает... вставляет в рамки, которые делает сам. Мы ели оля подрида, я такой вкусноты никогда не ел! Ее сварила Пакита... Мария не могла, потому что она тяжело работает в прачечной... А старый Педро ничего не делает, только вяжет... – Он запнулся и умолк, увидев выражение лица консула.

Николас не понимал, что своей наивной попыткой все объяснить, умиловить он только сильнее раздул огонь, бушующий в груди отца. Мальчик заплакал пуще прежнего.

– Твой отец был счастлив узнать, как тесно его сын сблизился с этим сбродом. Продолжай. Что еще там было?

Грудь ребенка вздымалась от рыданий.

– Мы играли в эсталидо, папа... Это карточная игра...

– Кто играл?

– Мы все.

– Кого ты подразумеваешь под «мы все»?

– Хосе и Педро... и я... с Пакитой, Хуаной, Луисой, Еленой и Бьянкой. Ой, извини, папа, я забыл. Мария не играла. Она стелила чистые простыни на кровать.

Прямая фигура в кресле выпрямилась еще сильнее.

– На чью кровать?

– Нашу с Хосе.

Консул оторопел. В избытке чувств он подался вперед, будто подставляя себя под удар.

– Вы с ним... – Он задохнулся и не смог договорить.

Наступила тишина – такая звенящая и стерильная, что Николас даже плакать перестал. Его охватила дрожь. Размытая слезами фигура отца, казалось, росла в его глазах, лоб и щеки заливала желтизна.

– Что... Что я такого сделал, папа?

Консул встал, оттянул душивший его воротник и, покачнувшись, сделал несколько шагов. Ухватившись за каминную полку и не поворачивая головы, он сдавленно произнес:

– Оставь меня... Иди к себе в комнату. Увидимся позже.

Снова тишина – еще более звенящая и стерильная, чем раньше... После ухода сына Брэнд еще долго стоял, склонившись у пустого камина, раздираемый хаотическими мыслями. Наконец он глубоко, со свистом втянул воздух – решение было принято. Да... Это лучшее, это единственное решение. Как бы велики ни были возможности человека, бывают ситуации, когда ему не обойтись без помощи специалиста.

Тяжело, будто собираясь с силами, консул прошел через холл в гостиную, сел к секретеру в нише, вынул ручку и написал:

ПРОФЕССОРУ ЭЖЕНУ ГАЛЕВИ, 219Б УЛИЦА КАПУЦИНОВ,
ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ.

БРОСАЙТЕ ВСЕ И НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ. ДЕЛО НЕ
ТЕРПИТ ОТЛАГАТЕЛЬСТВ. ХАРРИНГТОН БРЭНД.

Он позвонил в колокольчик и, когда Гарсиа вошел, протянул ему листок:

– Поезжайте в город и немедленно отправьте телеграмму.

– Слушаюсь, сеньор.

Брэнд остался сидеть в нише. Звук отъезжающего автомобиля несколько успокоил его. Но неосмотрительно поднятый взгляд проник сквозь оконное стекло, и вновь вспыхнувший в сердце огонь чуть не задушил его.

На краю освещенного газона стоял садовник. Голый до пояса, с широко расставленными ногами и с блестящим на солнце золотистым торсом, он легко размахивал косой. Брэнд смотрел, чуть дыша, словно зачарованный чудесным ритмом, с которым каждый взмах косы врезался в его плоть. Вспотевшие от ненависти пальцы сжали ручку, переломив ее. Но он этого не заметил. Захваченный вихрем вождения, с расширенными зрачками и шумом в ушах, он смотрел, как чистое сверкающее лезвие взметалось снова и снова, как ятаган, идеальными дугами на фоне далеких синих гор.

Глава 14

Четыре часа спустя в Каса Бреза доставили телеграмму из Парижа.

БУДУ ЗАВТРА 17:30. ДО МОЕГО ПРИЕЗДА СОХРАНЯЙТЕ
СПОКОЙСТВИЕ. ПРЕДАННЫЙ ВАМ ГАЛЕВИ.

Профессор сдержал слово. На следующий день, когда на станции Сан-Хорхе резко затормозил дневной поезд, низенький, по-пуритански аккуратный человек с бледным лицом, пронизывающим взглядом маленьких, глубоко сидящих на узком лице глаз, с эспаньолкой на небольшом подбородке, одетый в черный дорожный плащ и примятую темную шляпу, проворно выскочил из вагона и обхватил застывшие пальцы Харрингтона Брэнда своими мягкими ладошками.

– Мой бедный друг!

Этим обращением доктор словно желал сказать консулу, чью угрюмую раздражительность он распознал с первого же взгляда: «Я здесь. Больше беспокоиться не о чем».

Погода испортилась, они отъехали от станции под моросящим дождем, пелена которого растушевала очертания гавани и совсем заслонила серое неподвижное море.

– Я получил ваше письмо, – заметил Галеви, глядя прямо перед собой. – Что, положение ухудшилось?

– Сильно ухудшилось! – тихо и сосредоточенно отозвался Брэнд.

Властно стиснув его колено, Галеви не дал ему договорить.

– Не сейчас, мой друг. У нас будет достаточно времени. Расслабьтесь. Я буду в вашем распоряжении столько, сколько понадобится.

В этом вынужденном молчании они подкатили к вилле, отряхнув с низко свисающих тонких веток мимозы хрустальные подвески капель. Сквозь испарения призрачно виднелись утесы, облака укрывали горы. Воздух жил, наполненный звуками невидимых струй, по капле просачивающихся в сырую, но еще не насытившуюся землю. Сквозь туман с моря доносился заунывный плач рыбацкого рожка, то усиливаясь до тоскливого воя, то вовсе затухая, подобно канувшей в бездну звезде.

А в доме шли последние приготовления: в столовой, гостиной и в большой гостевой спальне пылал огонь, насыщая воздух теплом и ароматом душистого кедра. Магдалина энергично орудовала на кухне, Гарсиа стремительно сновал вверх и вниз по лестнице.

Обед на две персоны, поданный в восемь часов, был близок к совершенству, что побудило профессора, который, вопреки своему чопорному виду, явно не чурался стоящих на столе деликатесов, похвалить консула за хорошую повариху и пожурить за то, что не отдает должное ее искусству. Время от времени, пока при затененных свечах он ел лангуста под соусом эспаньоль, Галеви устремлял на хозяина изучающий взгляд. Вполне понимая глубину страданий Брэнда, он решил не торопиться, невозмутимо следуя своему методу отсроченного наблюдения, оставаясь при этом, как всегда, хозяином положения.

Эжен Галеви, сын шипчандлера из Бреста, приехал в Париж лет двадцать назад неотесанным пареньком, чтобы изучать медицину. Несколько раз потерпев неудачу на экзаменах, он получил диплом об общем университетском образовании.

В то время Шарко находился в зените славы, и в толпе, привлеченной этим блеском, был и молодой доктор Галеви. Он посещал лекции великого человека, не вылезал из его клиники в Сальпетриер и, когда его пару раз выбрали – случайным образом – ассистировать при знаменитых массовых демонстрациях истерии, Галеви решил, что должен специализироваться в психиатрии.

Помимо некоторой смекалки провинциала, позволяющей ему подхватывать выражения и манеры своего кумира, Галеви не обладал никакой квалификацией для подобной работы. Скромное наследство, полученное от отца, позволило ему отправиться в Вену, где он учился у Юнга, прослушал курс в Гейдельберге и провел восемнадцать месяцев в психиатрической лечебнице в Мекленбурге. Вернувшись в Париж, он был принят на основе этого опыта в штат Института неврастений, небольшой клиники, расположенной в Пасси. Кроме того, Галеви начал читать научно-популярные лекции в Академии психогигиены. Постепенно он обзавелся небольшой клиентурой, состоящей из обычных неврастеничек, пациентов с пограничными состояниями и ипохондриков. Манеры его, как и следовало ожидать, улучшились, глаз стал острее, руки более ловкими. Обрядившись в сюртук с высоким черным воротником, этот убежденный холостяк приобрел вид духовного лица. Прирожденный махинатор, он день ото дня расцветал на льющихся ему в уши страхах и жалобных признаниях. Он научился быть жестоким, одним только словом выпытывать тайны и изрекать парадоксальные пророчества с важностью оракула, нисколько не соответствующей его тщедушной фигуре.

Однажды, во время краткого летнего отпуска в Кнокке, его приезд дошел до сведения Харрингтона Брэнда, занимавшего тогда официальный пост в этом бельгийском курортном городке. Консул, страдавший от периодической депрессии, по наитию – самому счастливому в его жизни, как он впоследствии утверждал, – принял судьбоносное решение проконсультироваться с парижским психиатром. Эти две посредственности, несмотря на разницу темпераментов, сразу почувствовали друг в друге родственную душу. Много раз потом обращался Брэнд к этому новому врачу в уверенности, что только он может ему помочь. Во время долгих сеансов на улице Капуцинов крепла дружба между уважаемым, выбитым из колеи чиновником и маленьким фальшивым священником, который методично выслушивал секреты консула, неуклонно усиливая свою власть над ним.

Покончив с обедом, мужчины перешли в гостиную и расположились по обе стороны мраморного камина. Мерцающие языки огня окрасили красными сполохами слабо освещенную хрустальной газовой люстрой большую строгую комнату. Блики, подобно призрачному войску, пронеслись по иллюзорным гобеленам, причудливым тумбочкам, извилистым столам с витиеватой позолотой. Видя, что его друг больше не может сдерживаться, Галеви значительно, едва ли не повелительно, кивнул, словно разрешая говорить. Утопая в кресле и подперев опущенную, как у аббата-исповедника, голову тонкой рукой, слегка прикрывшей глаза, он приготовился слушать.

Плотно сжатые губы консула моментально разомкнулись, и он разразился беспощадными, полными и исчерпывающими показаниями. Профессор, казалось, не смотрел на него, но сквозь неплотно сомкнутые пальцы не упускал ни одной эмоции своего визави, и хотя его лицо оставалось профессионально бесстрастным, глубоко посаженные глаза были остры, как скальпель. Но когда в заключение Брэнд, порывшись в кармане бархатной, обшитой галуном домашней куртки, протянул ему мятый листок, блеск в глазах профессора был немедленно приглушен. Пока охваченный волнением консул вытирал пот со лба, Галеви не торопясь надел пенсне в золотой оправе и методично дважды прочитал сей «документ». Затем, вытянув губы так, что обнажились бледные десны, он покивал и наконец с важностью произнес:

– Мой добрый друг, не стану отрицать, что эта связь внушает мне серьезные опасения. Не будь я так привязан к вам, то мог бы не придавать ей большого значения. Если бы я не так высоко ценил ваш ум, возможно, я и утаил бы от вас некоторые из ее прискорбных последствий. Но вы, мой друг, человек высших способностей, вы не только отец, но еще и искушенный гражданин мира. Вам известно, что грязь можно обнаружить даже в самых неожиданных местах. Нежнейшие цветы подпитываются навозом, под поверхностью чистейшего лесного озера с белоснежными лилиями скрывается пласт нечистот.

Консул содрогнулся, но Галеви не позволил себя перебить.

– Целомудрие, друг мой... У нас, психиатров, это нелепое слово вызывает улыбку... Сентиментальный символ устаревшей веры. Разве не обнаруживаем мы ежедневно новые запущенные раны, свежие свидетельства человеческой подлости? Разве все мы не слуги наших тел, жертвы ужасов и омерзения своих страстей? Да хоть бы первые произвольные действия младенца – с какой чувственной жестокостью впиается он в материнскую грудь! – Профессор бесстрастно пожал плечами. – Что же касается возраста, к которому сейчас приближается ваш сын, вот там действительно мы столкнемся с более темными силами, со странными навязчивыми идеями и тайными желаниями... Очень жаль, что именно в этот период возникла его безрассудная связь со взрослым юношей, да еще испанцем.

Консул застонал и так сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

– Вы полагаете, что Николас был серьезно травмирован?

– Боюсь, травма на самом деле имела место, – сдержанно ответил Галеви. – Насколько она серьезна, мне предстоит выяснить.

– Выяснить?

– Разумеется. К моему великому сожалению, я вынужден подвергнуть вашего сына психоанализу.

Охваченный внезапным смятением, консул отшатнулся.

– Но послушайте, – запинаясь, возразил он, – он же совсем еще ребенок, и он так расстроен, так уязвим...

Галеви холодно посмотрел на него:

– Вы сомневаетесь в моем профессионализме?

– Нет-нет, друг мой... Но... Только если вы считаете это необходимым.

– Крайне необходимым! – уязвленно бросил профессор. – Только зондированием подсознания мы сможем выяснить, что произошло в течение тех опасных ночных часов.

– Подождите, Галеви... – Консул схватился за голову.

– Бросьте, друг мой, – сказал Галеви с покровительственной жестокостью. – Мы-то ведь уже не дети.

– Нет. – Брэнд подавленно опустил глаза. – И тем не менее... Вам известно состояние моего здоровья... И то, что я пережил крах своего брака... Постоянное напряжение, связанное с моим служебным положением... Длительные творческие усилия, направленные на мой литературный труд... И над всем этим – всеподавляющая любовь к моему сыну...

– Уверяю вас, я проявлю максимум сострадания, – сухо прервал его Галеви. – У меня есть опыт.

– Я доверяю вам, друг мой, – с трудом произнес Брэнд, страдание которого грозило перерасти в иступление. – Наглая, бессовестная дерзость этого парня – вот что меня бесит.

– Вы не уволили его? – быстро спросил Галеви.

Консул, зажмурившись, помотал головой.

– Хорошо, – одобрил профессор. – Мы, конечно, подвергнем его крайне тщательному допросу. Кроме того, мне необходимо допросить ваших слуг. Вы не возражаете?

– Нет. Это чудесная пара. Но тот, другой... Хосе...

Произнеся ненавистное имя, консул окончательно потерял контроль над собой. С вылезавшими из орбит глазами, он подался вперед, яростно стукнул кулаком по подлокотнику кресла и закричал:

– Он должен быть наказан!

Наклонив голову, профессор вонзил в него прощупывающий взгляд. Потом откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев; странная улыбка заиграла в складках его желтых щек – улыбка того, кому известны позорные тайны людей, избранного свидетеля их притворных личин, хранителя душ.

– Несомненно, друг мой... Вы правильно сделали, что вызвали меня.

Глава 15

К утру дождь прекратился, к небу вернулась его обычная безмятежность, а обновленная земля нежилась в лучах яркого солнца. Николасу, задумчиво глядящему на сад из окна спальни, которое он, набравшись храбрости, слегка приоткрыл, сладкий аромат воздуха, очищенного алхимией утренней зари, предвещал изменения к лучшему. Возможно, сегодня его выпустят из унылого заточения в своей комнате. Теперь, когда здесь профессор Галеви – накануне он с затаенным интересом прислушивался к звукам, сопровождавшим приезд гостя, – настроение отца смягчится. В обществе парижского доктора консул всегда был в прекрасном расположении духа.

Между тем, равнодушно съев свой обычный завтрак, одетый в рубашку и брюки, Николас сосредоточенно высматривал сигнал Хосе из-за сарая с инструментами – быстрый взмах руки по направлению к верхнему окну, который целых два дня вынужденной разлуки был единственным средством общения между ними. Этот энергичный, обнадеживающий жест, наполненный смыслом и симпатией, оказывал целительное воздействие на сердце мальчика. Он знал, что Хосе его не забыл. Этого было достаточно. Что бы с ним ни случилось – приступы болезни, исполнение ужасных угроз Гарсиа, даже гнев отца, – ничто не имеет значения, если Хосе остается его верным, его любящим другом.

Было уже почти десять часов. Хосе, разравнивая граблями размытую дождем подъездную дорожку, начал медленно перемещаться в сторону сарая, за которым его не могли увидеть из окон нижнего этажа. Сердце Николаса забилося в радостном ожидании, но тут в коридоре раздались шаги, и почти сразу же дверь распахнулась, впуская отца и профессора Галеви. Мальчик настороженно развернулся, вспыхнувший на его лице румянец придавал ему виноватый вид.

– Доброе утро, дитя мое, – приветливо кивнул Галеви.

– Доброе утро, сэр, – ответил Николас. – Доброе утро, папа.

Последовало молчание, показавшееся мальчику зловещим. Его взгляд метался от отца к доктору и обратно.

Консул кашлянул и сдавленно заговорил:

– Николас, раз уж нам выпало счастье принимать у себя профессора Галеви, я попросил его осмотреть тебя, чтобы я мог быть спокоен по поводу состояния твоего здоровья. – Он бросил взгляд на Галеви. – Как я понимаю, мне лучше оставить вас вдвоем.

– Не беспокойтесь, дружище, мы отлично поладим, – быстро ответил профессор и, дождавшись, когда за консулом закрылась дверь, тем же игривым тоном обратился к Николасу: – Кое о чем мы даже папе не хотим рассказывать. А теперь, мой мальчик, ложись на кровать, и мы сможем поговорить без помех.

Николас недоуменно смотрел на профессора. Привычный к врачебному ритуалу, производимому над его хрупким телом – профессору действительно случалось его осматривать, – мальчик на этот раз был неприятно удивлен странной манерой доктора. Когда он послушно улегся, то сразу понял, что осмотр, манипуляции со стетоскопом, все эти постукивания и прощупывания, сопровождаемые успокаивающим бормотанием и выверенными жестами, были всего лишь умело поставленным спектаклем, призванным развеять подозрения. Его опасения подтвердились, когда Галеви наконец встал и, закрыв обе ставни, воскликнул:

– Солнечный свет очень утомляет глаза! Вот! Так гораздо приятнее, правда?

В наступившем полумраке он вернулся, сел у изголовья кровати и слегка прикоснулся ко лбу мальчика.

– Николас, мы с тобой давно знакомы, – весело сказал он. – Не сомневаюсь, что ты видишь во мне скорее друга, чем врача. Ты ведь меня совсем не боишься?

Почувствовав, что от него ждут ответа, Николас, глядя в потолок, буркнул:

– Нет.

– Хорошо, – более сдержанно ответил профессор. – Я хочу, чтобы ты чувствовал себя со мной свободно, так, будто разговариваешь с другим мальчиком... Впрочем, – желтые зубы профессора над седой эспаньолкой обнажились в заговорщицкой улыбке, – ты уже большой мальчик... Это полностью меняет твои взгляды... Твои мысли о жизни. Именно о них я и хотел бы узнать... Ты можешь, не стесняясь, рассказать мне все, даже самое ужасное. Вот о чем ты, например, думаешь сейчас?

– Не знаю, – помолчав, ответил Николас.

– Ну-ка, дружище! – мягко подбодрил его профессор. – Природа не терпит пустоты. Не верю, что в твоей умной головке ничего нет... Хи-хи! Да это же ящик Пандоры, из которого мы с тобой собираемся извлечь много чудесного. Представь, что ты поднимаешь крышку этого ящика. Что ты видишь сейчас, что чувствуешь?

– Я чувствую ваши пальцы у себя на лбу. Они как вата, – с неловкостью ответил Николас. – Еще я вижу полосы света на потолке. Это от щелей в ставнях.

– Отлично! – похвалил его профессор. – Продолжай.

– Что?

– Все, что хочешь... Изложи мне ход твоих мыслей... После ставень...

– Ну... я не знаю, – с сомнением произнес Николас. – Они как бы создают у меня впечатление, что я в тюрьме. Тут так темно и везде эти полосы, так и хочется выйти отсюда.

– А если бы ты вышел, что бы ты сделал?

– Пошел бы на рыбалку, – не задумываясь, ответил Николас.

– На рыбалку? – повторил «психиатр» тоном человека, которого ничем не удивить.

– Да, именно это я и сделал бы. Я сел бы в славный старый дребезжащий автобус и поехал бы в горы. – Под поглаживающими пальцами по узкому запрокинутому лицу мальчика расплылась мечтательная улыбка. – Потом я спустился бы в зеленую долину и сидел бы на солнышке у мельницы, глядя на примулы, дикие ирисы и пробковые дубы. Я закинул бы удочку и целый день ловил бы в запруде рыбу. И может быть, мне попалась бы еще большая форель.

– Ты, конечно, пошел бы один? – тихо спросил профессор.

– Конечно нет! – Улыбка стала шире, и Николас заговорил без малейшего смущения: – Со мной пошел бы Хосе. Это он меня научил.

– Научил чему? – выдохнул Галеви.

– Рыбачить, естественно. Он прекрасный рыбак. И лучший игрок в пелоту в Сан-Хорхе. Но он этим не хвастается. И он так тяжело, ужасно тяжело работает в саду...

– Ты от Хосе в восторге? – с безмерной учтивостью предположил профессор.

– Да, да, конечно!.. – воскликнул мальчик. – Хосе – мой друг.

В недолгом молчании ярко вспыхнули пылинки в полосах света. Пальцы «ясновидца» все так же размеренно двигались, а журчащий голос продолжал:

– Когда твой отец был в отъезде, ты поехал с Хосе на речку. А что вы делали после рыбалки?

– Я отдыхал.

– С Хосе?

– Ну да, Хосе лежал рядом на траве. Там было так хорошо, так тепло на солнце.

– Еще бы, – с тайной гримасой произнес этот духовник от дьявола. – Я понимаю. Меня это не шокирует, дитя мое. Ты не должен пугаться, что рассказал мне об этом.

– А почему я должен пугаться? – удивился Николас. – Я ничего плохого не сделал. Я рассказываю вам все как было.

Профессор закусил губу и раздраженно воскликнул:

– Нет ничего плохого в том, чтобы нарушить запрет отца?!

– Я не собирался нарушать, это все из-за Гарсиа.

– К этому мы еще вернемся, – сказал Галеви. – А сейчас... Ты признался, что ты от Хосе в восторге.

– Это то, что я чувствую, – серьезно ответил Николас.

– Тебя никто и не обвиняет, дитя мое. – К профессору вернулся его успокаивающий тон, он снова почувствовал себя на знакомой и безопасной почве. – Я знаю, тебе нравится, когда Хосе рядом, когда он прикасается к тебе. Например, сейчас тебе было бы приятнее, если бы это он был здесь и гладил твои волосы...

– Да, намного приятнее... – сказал Николас и покраснел от своей невольной грубости.

Профессор, довольный этим проявлением стыда, не обиделся. Повседневная работа давно приучила его равнодушно принимать гораздо худшие оскорбления, даже самую гнусную брань, которую могло обрушить на него извращенное сознание. Единственное, чего он хотел, – воспользоваться этим детским смущением в собственных целях.

– Ты хочешь, чтобы он был с тобой рядом... Прикасался к тебе... – Он доверительно улыбнулся. – Поэтому ты и пошел к нему домой?

Николас неловко пошевелился, будто желая увидеть лицо своего «следователя». Большая темная комната, решетка пляшущих над ним золотистых лучей, мягкий непрерывный массаж висков – все это давило на него, повергая в апатию, в которой полное согласие с непонятными вопросами казалось единственно верным и легким.

– Хосе мне и правда очень нравится...

– В смысле, ты его любишь, – мягко намекнул профессор.

– Ну да, я люблю его. – Румянец Николаса усилился. – Но домой к нему я пошел из-за Гарсиа.

Галеви хохотнул. Он хорошо знал силу этого краткого проявления насмешки – она, как неожиданный укол кинжала, протыкала покров притворства, который все его сочувствие не смогло проткнуть.

– Гарсиа... Вечно Гарсиа! – презрительно бросил он. – Не верю ни единому слову!

– Не важно, верите вы или нет, – гордо ответил Николас, – потому что это правда.

И снова разговор прервался, причем неожиданно для профессора, почувствовавшего, как под его непроницаемую кожу медленно заползает волна враждебности. Этот наивный и столь непредвиденный отпор оказался крайне невыносимым для человека с его опытом. Он не верил Николасу. В его вселенной, в мире, где он двигался и дышал, нормальности не было места. Жизнь представляла собой душные джунгли, где невидимые силы корчились и извивались в мерзкой черной грязи. Что ж, он уже имел дело с нашкодившими детьми, и ему в конце концов удавалось расколоть их броню. У него был с десяток трюков, один хитрее другого, чтобы завлечь упряма в ловушку.

Выдержка вернулась к нему. Подкупаяще улыбаясь Николасу, он для усиления своего священнодействия завладел его рукой.

– Дитя мое... я огорчен твоим непониманием, я вовсе не мыслил в терминах правды и лжи. Зачем тебе обороняться? Я на твоей стороне. То, что называют злом, не более чем инстинкт, наследие миллиона лет первобытного существования. Может быть, тебя смущают эти громкие слова, так это нам совсем ни к чему. Ты должен понять, что ангелов больше не существует и твой поступок человеку простителен. Опасность заключается в его сокрытии. Как только ты мне в нем признаешься, он превратится в ничто и мы вместе сможем над этим посмеяться.

– Над чем посмеяться? – спросил Николас сквозь зубы.

– Например, над этим, – произнес Галеви, показывая мальчику исписанный листок.

Николас весь напрягся, словно ожидая удара, затем его тело обмякло, и он отвел затуманившийся взгляд.

– Ничего страшного в этом нет, – быстро сказал Галеви, успокаивая его. – Но почему ты не был откровенен, когда писал это? Ты наверняка говорил Хосе гораздо более красивые слова, когда вы были одни... Например, у него дома... Вы были вместе всю ночь...

– Мы ничего не говорили, – отвернувшись, глухо произнес Николас.

– Мое дорогое дитя, – прошептал этот прелат сатаны, приблизив щеку к подушке мальчика, – вы же были там только вдвоем... в темноте...

Николаса пробрал озноб, он смутно ощущал, как из тени на него неудержимо надвигается непонятное, но чудовищное зло, внушая страх и отвращение. В какое темное царство позора и омерзения его ведут? Ему хотелось вскочить с кровати, выбежать из комнаты, скрыться. Но овладевшая им слабость не пускала, заставляя его уступить и вызывая желание просить о пощаде. А впрочем, какая разница? Что мешает ему согласиться, вкусить от отравленного плода, предложенного ему этим человеком? Но тут он услышал властный приказ, исходящий из самой глубины его существа. Непроизвольно сжав кулаки, он с усилием вырвался из чужих рук и непокорно сел на кровати. Он был очень бледен, сердце дико колотилось, однако он храбро смотрел профессору в лицо, будто защищал свою жизнь:

– Я не знаю, что вы хотите от меня услышать, но я не собираюсь этого говорить. Я сказал вам, что пошел с Хосе только потому, что Гарсиа напугал меня. Можете спросить Магдалину, если хотите. Она вам расскажет. Я уже просил папу поговорить с ней.

Профессор прикрыл разочарование холодной улыбкой. Он встал, будто принимая долгожданный вызов.

– Очень хорошо. Спросим Магдалину.

Сидя очень прямо и часть дыша, Николас увидел, как профессор дважды дернул за шнурок с кисточкой, из отдаленных закоулков дома слабо донесся звонок. Через пару минут напряженной тишины на служебной лестнице послышались тяжелые, неторопливые шаги поварихи.

Стук в дверь. Она вошла.

– Магдалина, – сказал профессор, – предполагается, что во время недавнего отсутствия вашего хозяина в доме имели место некоторые нарушения. Во-первых, остался ли Гарсиа в Барселоне в субботу ночью?

Неподвижно стоя в дверях, женщина исподлобья взглянула на профессора. Руки, слегка припорошенные мукой, были отведены в стороны от черного платья.

– Нет, – ответила она. – Гарсиа все время был здесь.

Николаса пронзило током. Он рванулся вперед. В изумлении, с трудом произнося слова дрожащими губами, он умоляюще воскликнул:

– Магдалина!..

– Тише, пожалуйста! – Галеви снова повернулся к поварихе. – Во-вторых, устроил ли Гарсиа в воскресенье ночью пьяную оргию?

– Нет, сеньор... – Ее неподвижное лицо словно было вырублено из дерева. – Гарсиа не пьет.

– Значит, он не бил вас и не напугал Николаса?

Она мотнула головой:

– Гарсиа – хороший человек. Это все знают. Он никогда в жизни меня не бил.

– Ох, Магдалина!.. – душераздирающе крикнул Николас. – Как ты можешь?! Ты же знаешь, что он тебя ударил. В буфетной. Ты так плакала! Это было ужасно. И у него был нож... – Он замолчал, охваченный тошнотворным страхом.

– Достаточно, Магдалина, – сказал Галеви. – Спасибо, что уделите нам время.

Какое-то мгновение повариха не двигалась, будто не веря, что ее отпустили. Во время допроса бычьи глаза Магдалины были тупо устремлены на профессора, но теперь на секунду метнулись в сторону Николаса. Она не утратила самообладания – опущенные уголки губ не шевельнулись, – но вдруг, с неожиданной резкостью, развернулась и вышла.

Потрясенный этим предательством, Николас с плачем рухнул на подушку, слезы градом катились по его лицу.

– Хосе... – прерывающимся голосом прошептал он. – Где ты, Хосе?.. Что они хотят с нами сделать?

Профессор Галеви с неопределимым выражением лица сделал шаг вперед и остановился. Поглаживая бородку, со склоненной набок узкой головой, он напоминал воинственного хорька. Нет, решил он, больше ни слова. Немного одиночества, еще несколько слез, и последнее сопротивление рухнет. Тихонько убедившись, что ставни по-прежнему плотно закрыты, под звуки приглушенных рыданий он на цыпочках вышел из комнаты.

Глава 16

В это утро Харрингтон Брэнд лишь ненадолго заскочил в консульство, в состоянии растущего напряжения пробыл там около часа и, нервно дрожа, заторопился домой, чтобы успеть на ланч с гостем. Теперь, по завершении тягостной трапезы, за которой профессор доложил об осмотре, мужчины сидели в столовой, куда им подали кофе.

– Значит, у вас не осталось сомнений? – прервал затянувшееся молчание консул, задумчиво помешивая кофе.

– Ни малейших! – Профессор с довольным видом отхлебнул из своей чашки. – Переключение комплекса вины на другого вполне типично... И то, как его сломило противостояние Магдалины.

Бледный лоб Брэнда свело судорогой.

– Надеюсь, испытание было не слишком суровым для моего мальчика.

– Друг мой, что значат несколько детских слезинок, кратковременное страдание, когда на карту поставлено главное!

– Он больше не страдает? – Брэнд опять попытался найти облегчение беспокойству, пронизавшему его до мозга костей.

– Скорее всего, он крепко спит... Обычная реакция на успешный катарсис... Но вам в любом случае не стоит к нему заходить. Одиночество, возможность поразмышлять – это основная составляющая моего лечения. Повторяю, эти аномальные тенденции, которые, как видно, уже глубоко проросли, нужно искоренить любой ценой.

Консул скомкал под столом салфетку в тугий шар и, не глядя на Галеви, сказал:

– А Хосе?

Профессор, вздрогнув, опустил чашку.

– Утром я тщательно его допросил. Ловок мерзавец! – Поколебавшись, он добавил: – Я знаю, как вы к нему относитесь, друг мой, но что мы можем сделать? Вы не можете подать на него в суд, не причинив огромного вреда Николасу и себе. Одна только огласка... Нет, это невысказано.

– Нужно что-то делать. – Брэнд угрожающе выплевывал слова, втянув голову в плечи.

– Наберитесь терпения. Дайте парню волю, и он сам себя погубит. Когда я перед обедом говорил с Гарсиа, тот – совершенно случайно – упомянул, что в последнее время из его комнаты пропадали небольшие суммы денег. Гарсиа не слишком распространялся – он для этого слишком сдержан, но я был достаточно проницателен, чтобы понять, что он подозревает в воровстве Хосе.

– Что? – глухо спросил консул, погруженный в горькие раздумья, постепенно смысл слов Галеви дошел до него, и он резко выпрямился, ввалившиеся глаза заблестели. – У Гарсиа украли деньги?.. Этим надо заняться безотлагательно!

И, не дожидаясь ответа Галеви, он позвонил в маленький серебряный колокольчик, стоящий перед ним на столе. Последовала продолжительная пауза. Затем, застегивая на ходу белую куртку и поспешно дожевывая пищу, появился дворецкий.

– Простите, сеньор, – сказал он, – я думал, вы закончили. Мы с Магдалиной...

– Да, Гарсиа, понимаю, – перебил его консул. – Я сожалею, что прервал ваш ланч. Но до моего сведения только что дошло дело чрезвычайной важности. Верно ли, что у вас недавно пропали некоторые суммы денег?

– Пропали, сеньор? – Гарсиа позволил себе вольность слегка пожать плечами. – Из запечатого ящика деньги сами собой не пропадают.

– Ах вот как? Значит, их украли?

– Без всякого сомнения, сеньор. Замок был умело вскрыт.

Консул порывисто вздохнул, не веря такой удаче:

– И вы так спокойно об этом говорите.

Гарсиа снова пожал плечами с несколько презрительным выражением:

– Там было немного, сеньор. В общей сложности было украдено тридцать-сорок песо. Моя жизненная философия не позволяет считать это бедой. Более того, мне приходилось жить в больших домах, таких как дом де Аоста, где я вынужден был общаться с нечестными коллегами. Но все же... – Он помолчал, непроницаемые на бесстрастной маске глаза смотрели на консула не мигая. – Но все же, сеньор, я неспокоен.

– Почему?

– Я опасаясь, сеньор, – ответил Гарсиа, намеренно не сводя с консула туманного взгляда, – что были украдены более ценные вещи.

У Брэнда отвисла челюсть. Галеви с большим интересом подался вперед.

– Да, – продолжал дворецкий, учтиво взглянув на профессора. – Я не хотел говорить, не мое это дело. И причинять кому-то неприятности я тоже не люблю. Но раз уж вы сами об этом заговорили, я спрошу вас, сеньор... На месте ли те ценности, которые вы храните в маленькой шкатулке на туалетном столике?

Консул облизнул губы. Его голос странно изменился.

– Вы имеете в виду мои запонки?..

– И еще ваши маленькие плоские часы с бриллиантами, булавки для галстука с сапфирами, кольцо с печаткой – все самое ценное, – серьезно перечислил Гарсиа. – Я вижу их, когда обслуживаю вас. Никогда не встречал красивее...

Это было правдой. Из личных средств консул щедро подпитывал свое увлечение изысканными ювелирными украшениями. Надетые к парадному костюму на официальных мероприятиях, они выгодно подчеркивали его классические черты и внушительную фигуру, придавая ему вид важной особы.

Консул решительно встал:

– Идите за мной, оба.

Он повел их наверх в свою спальню. Круглая марокканская кожаная шкатулка стояла в центре туалетного столика в окружении желтоватых щеток слоновой кости и тяжелых хрустальных флаконов с лавровишневым лосьоном и одеколоном. Без колебаний консул откинул крышку. Шкатулка была пуста.

– О Боже! – У него перехватило дыхание.

Крайне редко консул позволял себе это восклицание, но сейчас он был потрясен таким неземным чувством, которое иначе было не выразить.

– Довольно опрометчиво с вашей стороны было не запереть ее, – пробормотал за его спиной Галеви.

Брэнд обернулся, лицо его пылало.

– Я доверяю своим людям. Никогда еще в моей жизни... Все мои драгоценности! Подлинные... Дорогие сердцу... Бесценные... Их ничем не заменить... Гарсиа, мой верный Гарсиа, кто это сделал?

Губы дворецкого искривились, он не ответил, но его взгляд, слегка сместившись за спину консула, прошел сквозь распахнутое окно и остановился на саде.

– Да! – воскликнул Брэнд, экзальтированно повысив голос. – Оставайтесь здесь, Гарсиа. Вы пойдете со мной, Галеви? Ваша поддержка была бы очень кстати.

Выйдя из дома, консул в сопровождении друга зашагал по усыпанной гравием дорожке к сараю. Хосе там не было. Убедившись в этом, Брэнд уже готов был направиться к кустарнику, когда его воспаленный взгляд привлекла куртка садовника, бесформенно свисающая с ржавого гвоздя за дверью. С губ консула сорвался сдвленный крик. Он всегда очень гордился своей порядочностью. Но сейчас, подстегиваемый злостью и обидой, он без колебаний шаг-

нул к двери и стал обшаривать карманы куртки, небрежно бросая на земляной пол ненужные предметы, попадающие под руку: клубок шпагата, несколько рыболовных крючков, воткнутых в пробку, сухую горбушку, завернутую в газету, кусок воска и старую костяную ложку. Много карманов было в этой чиненой и полинявшей от дождя одежде, да еще и двойная подкладка, в которой привычному к сельским обычаям парню легко было спрятать и принести домой пойманного зайца или кролика. Казалось, что обыск не принесет результатов, когда с хриплым победным кличем консул извлек из самой глубины пару тяжелых, сверкающих желтых запонок.

– Это мои! – заикаясь, сказал он. – Никаких сомнений – мои! Вы видите? – От волнения он схватил Галеви за руку. – Это всего лишь позолота... Единственная подделка среди моих вещей. Все остальное он сбыл с рук, а эти... потому что они не обладают настоящей ценностью, эти остались у него.

Узкая голова профессора понимающе склонилась.

– Разве я не говорил вам... Но, друг мой... ради вашего здоровья, сохраняйте спокойствие.

– Я отказываюсь сохранять спокойствие! – трагически вскричал Брэнд. – Он причинил мне зло, мне и моей семье, – и вот он наконец в моих руках! Хосе! Немедленно сюда!

Он собирался крикнуть еще раз, но снаружи раздался топот, и в сарай, запыхавшись, вбежал Хосе, срывая на ходу парусиновую кепку.

– Вы меня звали, сеньор?

– Да, звал! – глухо проговорил Брэнд. Ненависть душила его. Дрожащей рукой он протянул позолоченные запонки. – Где ты это взял?

Хосе посмотрел на желтые диски, связанные короткими цепочками, потом поднял темные глаза, растерянно переводя взгляд с Галеви на консула.

– Не понимаю вас, сеньор. Я никогда их раньше не видел.

– Тогда объясни, как они очутились в твоей куртке.

– Этого не может быть, сеньор. – Растерянный взгляд Хосе метнулся к грязному пончо за дверью, будто опасаясь, что оно тоже стало жертвой сверхъестественного злого умысла. – Их там никогда не было.

– Они были там! – резко возразил консул, и кровь бросилась ему в голову. – Я только что нашел их в твоём кармане.

– Нет, сеньор. – В отличие от уверенных обертонов Брэнда слова Хосе прозвучали смущенно и с запинкой.

– Профессор Галеви может это подтвердить.

В сарае повисло напряженное молчание. Побледневший Хосе не мог отвести заворуженного взгляда от позолоченных запонок.

– Кто-то их подложил, – наконец произнес он.

С поджатых губ профессора сорвался и был мгновенно подавлен ироничный смешок.

– Классический ответ, – тихо сказал он консулу.

Но консул не услышал. В его ушах все громче звучала победная песнь. Он снова ощутил огонь в груди и заговорил медленно, смакуя каждое слово:

– Я вызываю полицию. А ты пока пройдешь с нами в дом. И не пытайся бежать.

Хосе сильно побледнел, его глаза выражали обиду и боль, губы дрожали. Тем не менее он гордо произнес:

– Мне незачем убегать, сеньор. Полицейский – мой друг. Он знает, что я не вор.

Они направились к дому: впереди консул, за ним Хосе, замыкал процессию Галеви. Хосе был заперт в столовой, а консул лично позвонил в полицейский участок Сан-Хорхе. Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, как прибыл молодой стройный сержант полиции в темно-зеленой форме и блестящей черной фуражке. Гарсиа проводил его к консулу, на которого военная выправка полицейского произвела благоприятное впечатление.

– Сожалею, что побеспокоил вас, сержант, – начал консул, сразу переходя к сути дела, – но, оказывается, у меня в штате есть вор.

Кратко – самообладание уже возвратилось к нему – консул изложил компрометирующие факты. Услышав имя Хосе, полицейский вмиг утратил вид спокойной бдительности. Когда консул закончил, сержант в нерешительности изучал носки своих ботинок.

– Плохо дело, – произнес он. – Вы уверены, что тут нет никакой ошибки? Я знаю Хосе Сантеро. Может, он и бывает иногда... несдержан, но... украсть?..

Консул выпрямился, приняв обычный официальный вид:

– Вы позволяете личным чувствам влиять на свои служебные обязанности?

– Нет, нет, сеньор, – поспешно ответил сержант. – Давайте сначала с ним поговорим.

Они вошли в столовую, где, стоя, застыв в страдальческом недоумении, их ждал Хосе.

Глава 17

Для Николаса будто солнце выглянуло из-за туч, когда ему разрешили одеться и спуститься в столовую позавтракать вместе с отцом и профессором Галеви. Это было избавлением от полного одиночества, от холодного, впивающегося в грудь края подноса, с которого он ел, не ощущая вкуса, напряженно прислушиваясь, не донесутся ли снизу новые, таящие опасность звуки. Он чувствовал, что отец и профессор что-то от него скрывают, тем не менее напряжение последних дней несколько спало, что было довольно неожиданно, и их общество не было ему неприятно. Профессор, откусывая намазанный маслом гренок, не умолкая, говорил с Николасом, сохраняя на лице уклончивую улыбку, словно вчерашнего допроса никогда и не было. Отец несколько раз незаметно выглядывал из-за листов «Эко де Пари», и в его по-прежнему отстраненном взгляде сквозил намек на примирение. Когда, покончив с завтраком и напряженно выпрямившись на стуле, Николас ожидал его приказаний, консул с деланой строгостью сказал:

– Тебе, наверное, хочется пойти в сад... Ты давно не гулял. – И, повернувшись к Галеви, он так же подчеркнуто сдержанно произнес: – Сегодня я не пойду в офис раньше полудня. Не посмотрите ли заключительную часть моей рукописи, если, конечно, это не слишком утомительно.

– С удовольствием, друг мой! – ответил Галеви, деликатно промокая губы салфеткой.

Они встали. Николас весь дрожал – эти сеансы наверху не прошли для него бесследно, ноги едва держали его. Но он взял себя в руки, спокойно направился к входной двери и в следующую минуту был уже на крыльце.

До чего же хорошо снова очутиться на улице, ощутить себя свободным после заточения! Раздув ноздри, он вдохнул свежий аромат бриза. Разумеется, ни в коем случае нельзя сразу бежать к Хосе! Медленно, стараясь быть как можно незаметнее, Николас брел вдоль травянистого бордюра, останавливаясь через каждые несколько шагов и нюхая цветы. Один из розовых круглых камешков, окаймлявших дорожку, откатился в сторону, и мальчик аккуратно положил его на место. Он наблюдал, как улитка с выставленными рожками тащит куда-то свой куполообразный замок, оставляя за собой серебристый след. Краем глаза он увидел, как из дома появился профессор Галеви, неся в руках клетчатый плед и пакет с драгоценной рукописью о Мальбранше. Когда психолог удобно устроился в шезлонге возле беседки, Николас бочком направился в сторону конюшни, куда его уже некоторое время манил звук рубки дров.

Но там его ждало разочарование. Это Гарсиа, закатав рукава, орудовал мачете, и Николас встревоженно поспешил вокруг каретного сарая к новому рокарию. Рокарий выглядел прекрасно, нежно-зеленые листья папоротника уже покрыли камни с прожилками слюды. Но Хосе и там не было. Ускоренным шагом Николас прошел за олеандрами, пересек заросли мирта, свернул к пустому сараю и катальпе и, наконец, замкнув круг, опечаленно вернулся к беседке.

Уютно укутавшись, с трудом удерживая тяжелую стопку листов, скрепленных полосками металла, профессор, казалось, был так погружен в чтение, что неловко было его беспокоить. Но, колебавшись, Николас все же решился подойти. Галеви посмотрел на него поверх пенсне.

– Извините, сэр... Вы не видели большую лейку?

– Нет, – добродушно ответил профессор. – А ты?

– И я не видел. Но петунии нужно срочно полить.

– Что ты говоришь?... Ну так найди ее.

– Я не знаю, где стоит лейка... А если бы и знал, она слишком тяжелая для меня.

– Тогда выбрось это из головы.

– А как же петунии? Кто-нибудь должен о них позаботиться.

– Думаю, с ними ничего не случится.

Николас молча смотрел на профессора, чей взор снова был устремлен на бесценную рукопись. Не поднимая головы, тот произнес:

– Дитя мое, предлагаю тебе продолжить прогулку. Мы побеседуем вечером. А пока прошу меня не беспокоить.

Понурившись, мальчик отошел. Со двора по-прежнему доносились удары мачете, и Николас решил, что сможет незаметно подойти к заднему крыльцу. Вопреки необъяснимому поведению Магдалины накануне, казавшемуся теперь таким далеким и нереальным, он все-таки считал ее своим другом.

А вот и она на крыльце перед открытой кухонной дверью ощипывает лежащую у нее на коленях курицу. В темноте кухни блестят на полках медные кастрюли, в очаге потрескивают ветки розмарина. Николас остановился и, засунув руки в карманы, смотрел на Магдалину сквозь окутавшую ее метель. По резким, злым движениям поварахи он понял, что та не в духе, но все-таки спросил тихо и умоляюще:

– Магдалина... где Хосе?

Она гневно мотнула головой и с силой перевернула бедную птицу на спину, открыв ее синюю натянутую грудь.

– Уходи! Я ничего не знаю. Я не хочу ничего знать. Я день и ночь работаю... Тружусь как рабыня. – Неожиданно голос ее зазвенел и чуть не сорвался. – Ты слышишь меня? Уходи!

Николас ушел. Он пробрался сквозь живую изгородь из увядшей мимозы, шагая прямо по ковру из облетевших цветов, и вышел к утесу. Там, усевшись на каменную ограду, он грустно уставился на пустой залив. Ничего страшного, сказал он себе... Все в порядке... Хосе скоро вернется, его, наверное, послали куда-нибудь с поручением.

Дымок сигареты заставил его обернуться, и, вздрогнув, он едва не свалился. Гарсиа, в сандалиях на веревочной подошве, бесшумно подошел со стороны конюшни с дымящимся окурком в желтых пальцах и встал рядом с Николасом, любуясь видом.

– Море, – изрек он. – Такое величественное. Лежит, как огромный зверь, и лижет свои лапы.

Преодолевая непроизвольную дрожь, мальчик сидел на камне, съжившись.

Дворецкий лучился необъяснимым счастьем, явно не скрывая непривычно приподнятого настроения. Он глубоко затянулся сигаретой, и зрачки его узких глаз сверкнули от удовольствия.

– Полезно побыть одному... Без этих заурядных смешных людей... Наедине с вечностью. Я знаю море. Я прошел все океаны. Я дрейфовал в раскаленном Саргассовом море. Водоросли... водоросли... зеленые водоросли под пеной на поверхности цепляются, как щупальца осьминога. – Отбросив окурки, он вынул из заднего кармана пачку бумаги и холщовый кисет, дернул острыми зубами за шнурок и стал одной рукой сворачивать новую сигарету.

– Я думал, вы были солдатом, – дрожащим голосом сказал Николас.

– Да кем я только не был! И матросом тоже. Не по своей воле. Два года в море! Не веришь? – Он вытащил руку из расстегнутой рубашки и, резко повернувшись, обнажил спину – гладкая кожа была сплошь исполосована белесыми шрамами. – Видишь, как меня секли? Секли, пока кровь рекой не полилась. А за что, спрашивается? Но им так и не удалось меня сломить. Никогда. Мне принесли хлеб и воду, а я сидел в камере, как король на троне.

– В камере? – Николас ахнул. Он был напуган, как птенец, но и очарован не меньше. – Вы были в тюрьме?

Гарсиа вдруг застыл, тяжело уставившись на Николаса. Огонек спички опалил ему пальцы, но он этого даже не почувствовал.

– Не лезь в мои дела, – пригрозил он, затем прикурил и громко захохотал. – Тюрьма... Неплохо было бы в тюрьме, как считаешь?

– Нет... – пролепетал Николас.

– Нет? – засмеялся Гарсиа. – Наконец-то ты правду говоришь! Знаешь испанскую тюрьму, где по стенам течет, а ночью по тебе бегают тараканы, большие, как крысы? Где от одной только вонючей темноты сердце останавливается? А эта высокая стена, на которой стоят люди с винтовками, кажется, отделяет тебя даже от неба. Смотри не попадайся, маленький господин. Будь умный, как я, и оставайся снаружи.

– Да, я буду! – пылко согласился Николас. – Кому захочется попасть в такое место?

– Ого! – еще сильнее развеселился Гарсиа. – Ну ты даешь сегодня, маленький господин. Ясно, никому не хочется. Но иногда тебя вынуждают. Приходит полиция, защелкивает на человеке наручники и забирает. – И, помолчав, он мягко прибавил: – Вот как вчера.

– Вчера? – озадаченно повторил Николас.

– А ты не знаешь? – Гарсиа больше не смеялся, он устремил на мальчика ироничный, бесчеловечный взгляд, его зрачки сузились в точку, почти исчезли, а крапчатые радужки плавали в зеленоватом свете, как водоросли в грязном пруду, мерцая неприкрытой злобой. – Хосе вчера забрали в казармы... Он украл у твоего отца.

Николас отшатнулся, будто его ударили, потерял равновесие и свалился с ограды.

– Нет, нет! – прошептал он, сясь встать на колени.

– Это правда, – провозгласил Гарсиа зловещим шепотом, повергшим мальчика в ужас. – Он в тюрьме. Получит лет пять, не меньше. Твой Хосе – вор! – Он повысил голос и с силой ударил себя кулаком в грудь, как в барабан. – Не будь глупцом, не стой у Гарсиа на пути! Он тебя уничтожит. Человек – среди себе подобных. Король – на троне. Имеющий уши да услышит!

Некоторое время он стоял, откинув голову, резко выделяясь на фоне опалового неба, потом, не говоря ни слова и лишь взглянув на Николаса со скрытой угрозой, повернулся и пошел прочь.

Николас стоял, будто окаменев, с сильно бьющимся сердцем, потерянный и всеми брошенный. Ему стала понятна снисходительность отца, исключительная покладистость профессора, возвышенное настроение Гарсиа – картина утра была завершена. Хосе в тюрьме... Вор... Нет, нет, никогда, думал он с душераздирающей болью, никогда его не заставят в это поверить. Пусть он мал и ничем не может помочь, но его не сломить! Они не заставят его утратить веру в друга.

От этих мыслей его отвлекли голоса, он повернулся и заглянул за ограду. По аллее в сторону виллы шли двое. Старые, в черной одежде и запыленных сапогах, они ковыляли медленно, будто пара ободранных ворон. Тот, что повыше, с линялым черным зонтиком, был одет в черную сутану, и Николас вскрикнул от удивления, сообразив, что это священник. Теперь он разглядел, что вторым стариком был Педро. Не раздумывая, он бросился бежать, обогнул сад, стараясь быть незамеченным, и продрался сквозь кусты как раз вовремя, чтобы встретить гостей на подъездной дорожке.

– Педро, – сказал он, переводя дух, – как ваши дела? Как Хосе? Что вы здесь делаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.